Академия создателей, или Шуры-муры в жанре фэнтези

Автор:
Наталья Косухина

Академия создателей, или Шуры-муры в жанре фэнтези

Наталья Викторовна Косухина

Академия создателей находилась в центре средоточия высших сил – над бездной Илааса. Именно поэтому здесь обучались самые лучшие и одаренные создатели.

Большое скопление магии и могущественной силы играли со стихией словно с ребенком, превращая ее то в послушного котенка, который дарил нам голубое небо и белые жгуты силы, тянущиеся ввысь, то неистового тигра, оскалившегося смертоносными смерчами дикой бури в грохочущем небе.

Это потрясающее место необыкновенно и уникально. Оно напитано силой и дарит неограниченные возможности тем, кому дано познать их. Тем страшнее то, что с нами сейчас происходит.

Наталья Косухина

Академия создателей, или Шуры-муры в жанре фэнтези

Косухина Наталья

* * *

Пролог

Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам.

«Гамлет», Вильям Шекспир

Академия создателей

Пятисотый век от сотворения изначального

За окном бушевала очередная буря. Такая характерная для здешних мест и одновременно неповторимая. Я привычно любовался необыкновенной красотой, порожденной необузданным сплетением первозданных стихий.

Академия создателей находилась в центре средоточия высших сил – над бездной Илааса. Именно поэтому здесь обучались самые лучшие и одаренные создатели.

Большое скопление магии и могущественной силы играли со стихией словно с ребенком, превращая ее то в послушного котенка, который дарил нам голубое небо и белые жгуты силы, тянущиеся ввысь, то неистового тигра, оскалившегося смертоносными смерчами дикой бури в грохочущем небе.

Это потрясающее место необыкновенно и уникально. Оно напитано силой и дарит неограниченные возможности тем, кому дано познать их. Тем страшнее то, что с нами сейчас происходит.

Вчера Совет создателей принял решение об обучении в академии любого, у кого есть дар созидания. Что теперь будет с родами?

Дверь в комнату приоткрылась, впуская высокого мужчину с посеребренными сединой волосами.

– Какие новости? – мрачно поинтересовался я.

– Они утвердили решение и уже вносят изменения в правила академии.

Я скрипнул зубами.

– Ну что, старый друг, пора и нам приводить план в исполнение. Я давно подозревал, что они начнут обучать кого попало. Даже тех, чьи родители не были создателями. Но я им этого не позволю!

– Тише, не злись. В лаборатории все давно готово, теперь дело за тобой. Величайшей силы артефакт, который мы создадим сегодня, станет нашим ответом этим предателям. К сожалению, потребуется немало времени, чтобы он набрал силу. Но что такое пара тысяч лет для создателей?

– Увы, для меня время уже на исходе, я умираю. Тебе придется в одиночку завершить начатое дело.

Друг крепко сжал мое плечо.

– Не переживай, мы обязательно добьемся своей цели. Придет время, и мой сын под моим руководством исполнит предначертанное, я обещаю. Не будет безродных пустышек и бездарностей, именующихся создателями и мнящих себя достойными отпрысками магических родов!

– Тогда приступим. – Кивнув, я направился в соседнюю комнату.

Многие и многие годы я посвятил трудной и кропотливой работе, чтобы сегодняшний ритуал смог состояться. Капля за каплей собирая кровь невинных жертв, шел на всевозможные ухищрения, чтобы добыть и кровь сильнейших из нас. Создатели, дарящие жизнь, несущие магию и вселяющие дух, – кровь их всех есть среди моих заготовок.

Едва сдерживая ликование, я необычайно бережно сдвигал крошечные емкости с бесценным содержимым к округлой чаше. Именно в ней, смешанные вместе, нагретые на священном огне Илааса, приправленные нужными ингредиентами, они породят нечто, наделяющее огромной властью истинных создателей! Тех, кто отмечен чистотой крови, – наследников великих родов.

Они получат абсолютную власть над жалкими «существами», сила созидания в крови которых сильно ослаблена «недостойными примесями» – кровью более слабых, а порой и вовсе не имеющих дара!

Подхватив поднос с заготовками, я поставил его на стол рядом с магическим горном, в котором клубился священный огонь. И сегодня он примет нашу жертву, чтобы отплатить поколение спустя, когда то, что зародится сегодня, наберет полную силу.

Я читал заклятие времени, появившееся при сотворении изначального мира, но давно забытое и с огромным трудом найденное мной в библиотеке академии, и упивался ощущением всесилия, которое дарила первобытная магия.

Пусть ритуал отнимет у меня остатки жизни, но цель стоит того! Моя жертва не станет напрасной, возвеличив лишь истинных, тех, кто по крови достоин этого.

Капля за каплей в чашу, раскаленную огнем Илааса, стекала кровь. Слово за словом звучали необратимые строки. Силы собирались вокруг, скручиваясь в смертоносный смерч и предчувствуя поживу. Энергия созидания уплотнялась, порождая нечто алчное и голодное – то, что сейчас жадно впитывало в себя энергию и силу крови сильнейших создателей; то, что еще многие годы будет высасывать магию из несчастных, коснувшихся его. Питая, усиливая, взращивая…

Мой голос звучал все глуше, стихии танцевали вокруг все яростней. И, словно последний аккорд этой страшной мелодии, мое тело вспыхнуло священным огнем с последним вскриком добровольной жертвы.

Огненные язычки вмиг справились с «подношением»: одним порывом забрав всю мою силу и выплеснув ее в чашу, они позволили свершиться страшному чуду – из смерча магических сил на раскаленной огнем Илааса чаше появился артефакт невероятной силы.

Достаточной, чтобы изменить этот мир…

Глава 1. Происшествие на балу

Очень вредно не ездить на бал, когда ты этого заслуживаешь.

«Золушка», Евгений Шварц

Тысячу лет спустя

Ариадна Элаи

На ходу поправляя платье, я спешила к лестнице, которая вела в зал торжественных приемов. Он располагался на первом этаже отцовского дома и всем своим видом был призван сообщить каждому посетителю о величии рода Элаи. Тем более сегодня!

На торжество в честь дня рождения моей сводной сестры были приглашены все самые знатные и уважаемые семейства нашей реальности. Гостей ожидалось множество. Какая-то часть их уже прибыла, какая-то должна была вот-вот подъехать.

Посвятив подготовке этого мероприятия не одну неделю, накануне торжества я сбилась с ног, проверяя состояние зала и гостевых спален. Отец однозначно заявил: все должно пройти идеально! И вся ответственность за выполнение его требования легла на мои плечи, уже давно добровольно и смиренно принявшие груз забот о домашнем хозяйстве.

Я собиралась на бал в последнюю минуту. Дабы не посрамить род Элаи, я должна была выглядеть не менее безукоризненно, чем остальные члены семьи. И алое длинное платье, гармонично сочетающееся с моими черными волосами и белоснежной кожей, пришлось как нельзя кстати.

Сбежав с лестницы, я остановилась возле двери в небольшую гостиную, чтобы перевести дыхание и, войдя в зал, не произвести на гостей неприятного впечатления небрежности. Неожиданно из-за приоткрытой двери донесся

негромкий женский смех.

Оглянувшись и подойдя поближе, я прислушалась.

– …Сиротку облагодетельствовали, – уловила я презрительный женский голос. – Позволили вырасти в родовом доме, получить достойное образование, признали за равную.

– Она внебрачная? Какой конфуз, однако, – захихикал кто-то в ответ. – И с кем ее прижил батюшка? Ха-ха… Сам из себя весь такой величественный, сильный создатель – и такое… падение. Не дождался своей половинки – предался низменным страстям! И ведь признал, не постеснялся!..

– Наверняка причина в том, что в девчонке проснулся сильный дар. Иначе не видать бы ей ни имени, ни рода. Прозябала бы в безвестности и работе, как ее матушка. Поговаривают, что та и вовсе не имела дара!

– И где он ее подобрал? – в тоне неизвестной сквозила такая брезгливость, что меня передернуло от обиды.

Мама умерла, когда я была еще ребенком, и встретились они с отцом до его брака. У меня сохранилось о ней совсем мало воспоминаний. Небольшой браслет-змейка – единственное, что осталось мне от мамы.

– В знаменитом бою под Дельфой, когда шла очередная борьба с пустотой, Элаи был ранен и попал в госпиталь. Она его и выхаживала, – поделилась информацией одна из сплетниц.

Мерзкий смешок повторился.

– Хорошо выхаживала! Раз дитя от него прижила.

– Да уж. Представляешь, каково было его жене и законным дочерям, когда спустя десять лет они узнали о ребенке? Стыд! Одно утешение – в ней проявился родовой дар. Не просто нахлебницу пригрели.

– Но перспектив у нее все равно нет. Кто же на такой женится из… достойных? Разве что приданое за ней дадут огромное?.. Но и в этом случае не каждый мужчина из сильнейших родов согласится. Мало ли какое потомство будет?

Шепот звучал все громче, нарастая вместе с возбуждением невидимых собеседниц. Я стояла, парализованная ужасом: что, если такие пересуды обо мне ведут и другие гости? Кто бы подумал, что им есть до меня дело?..

Чувство обиды и внутреннего протеста усиливалось с каждым услышанным словом.

– Только представь – если в браке с ней родится ребенок, который не будет иметь силы создателей?.. Это же скандал!

– Какое замужество! Не смеши меня, – фыркнули в ответ, и до меня донесся звонкий женский смех. – Ее родные не уважают, скорее экономкой при семье держат. Так и доживет до старости, работая на них в благодарность за признание.

Вздрогнув, я непроизвольно сжала кулаки. Ощущение впивающихся в кожу ногтей позволило сдержать рвущийся наружу крик ярости. От злости трясло, мне хотелось, махнув рукой на привитые манеры, ворваться в гостиную и вцепиться сплетницам в прически!

– Я слышала, что батюшка пытается «пристроить» Ариадну и, со слов кухарки семейства Кроу, предлагал Мариусу Кроу взять ее в супруги в обмен на значительную услугу. Все же он из рода дарящих жизнь, который сейчас несколько ослаблен, и сильный, пусть и необученный создатель очень пригодится.

– Чушь! Какие наследники от этого старикана и пьяницы? Он дважды был женат. И ни одна несчастная, что досталась ему в супруги, не смогла от него понести. Не способен он на потомство. И это к лучшему! Род Кроу ждет не дождется, когда уже дни этого брюзги истекут. Даром что он из какой-то младшей ветви, а репутацию всему роду портит. В долгах страшных…

– Вот-вот! – перебила собеседница, судя по тону, упиваясь разговором на эту тему. – Потому может и согласиться закрыть глаза на наследственность

Ариадны Элаи. Ему терять уже нечего! А для нее – это единственный шанс на респектабельное будущее.

Сердце замерло, пропуская удар. Даже живя замкнуто и уединенно, я слышала об этом Мариусе. О его припадках ярости, чванливости, нетерпении к выходцам из менее знатных семей, заносчивости и… страшных экспериментах.

Доподлинно никто этого не знал, но ходили ужасные слухи о том, что он вдыхает жизнь в нечто жуткое, созданное в его тайных лабораториях. Как только контроль до него еще не добрался?

Страх накрыл меня с головой!

– Врагу такого не пожелаешь! – с чувством отозвалась другая болтушка. – Смерти двух его предыдущих жен весьма подозрительны…

– А Ариадна лучшего и не достойна! Ты же знаешь, что только у рода хранящих закон не рождаются дети без дара. Такая уж особенность, а значит, родословная супруги не повлияет на способности детей. Но они элита и не пойдут на мезальянс, имея возможность выбирать из лучшего.

Очередной презрительный фырк стал последней каплей. С трудом сдерживая слезы, потрясенная злобой совершенно посторонних мне существ, я неосознанно открыла двери в зал и шагнула вперед.

Стоило мне оказаться внутри, на меня обрушились звуки музыки, и я оказалась вовлечена в праздничную атмосферу.

– Ариадна Элаи, старшая дочь главы рода Элаи, обладательница родового дара! – Голос церемониймейстера, усиленный магией, разнесся по всему залу.

Словно по невидимому сигналу шум вокруг стих, и множество взоров устремилось ко мне. А в них… жадное любопытство, презрение, безразличие или злобное удовлетворение!

Сознание, переполненное самыми противоречивыми мыслями и сильнейшими эмоциями, не выдержало: факт всеобщего нездорового интереса к моей

скромной персоне стал откровением. Горького свойства!

Я не справилась с собственной сутью, растерялась, испугалась, утратила самоконтроль и… допустила ошибку.

Роковую!

Сильнейшая, непокорная мне магия, скрытая внутри, резко вспыхнула и вырвалась наружу, разлетаясь во все стороны искрами темной пелены. Всего на миг огромный зал заволокло черным туманом, что было характерным признаком магии создателей, но и этого мгновения хватило…

В следующую секунду помещение словно взорвалось от одновременных воплей, вырвавшихся из множества ртов. Их потрясенные обладатели внезапно осознали, что все, ранее неподвижно окружавшее их, ожило…

Бодаясь, запрыгали диваны, застучала, заскакала на столах посуда, жареная птица устремилась куда-то, нелепо ковыляя между беснующихся тарелок. И даже платья и камзолы, украшавшие тела гостей, отчаянно пытались сбежать, оголяя тела своих обладателей. Цветы порхали в воздухе, забавно подскакивая на длинных стебельках; чей-то веер стремительно пронесся мимо меня, замершей в панике.

Случилось худшее! Даже если до этого среди гостей были те, кто относился ко мне с безразличием, то теперь… я стала объектом всеобщего интереса. Более того – причиной всеобщей ярости!

– Хватит! – Громоподобный крик отца – целенаправленный всплеск его силы – на минуту укрыл зал черным туманом, и… хаос вокруг исчез, а помещение приняло первоначальный облик.

Вещи попадали, платья резко замерли, обвиснув на гостях, еще больше обостряя конфуз, гомон множества голосов затих…

– Ариадна, немедленно покинь зал. Жди меня в кабинете!

Содрогаясь от стыда и чувствуя себя совершенно никчемной, я развернулась и бросилась за дверь. А там нос к носу столкнулась с двумя девицами высокомерного вида – подругами моих сводных сестер. Несомненно, теми сплетницами, разговор между которыми я невольно услышала несколько минут назад…

Слезы полились ручьем!

Лица обеих мгновенно вытянулись, пылая очевидным любопытством, лишь добавляя мне мук.

«Никогда! – мысленно поклялась я. – Никогда я не захочу видеть никого из них! Не хочу иметь с ними ничего общего! Ненавижу их всех! И замуж никогда не выйду!»

Добредя до кабинета, я расположилась на стуле напротив рабочего стола отца и стала ждать. Внутри все сжималось от страха: сегодня определится мое будущее.

Вытирая слезы, я услышала, как приоткрылась дверь и в комнату вошел глава семейства.

В его карих глазах отражались опыт и знания многих поколений, выдавая возраст – не одну тысячу лет. Высокий, широкоплечий, со светлыми волосами и благородными чертами лица – в отце чувствовалась порода, которая передается только с кровью… порода, которой я не обладаю.

Присев за стол, он сложил руки перед собой, переплетя пальцы в замок, и сурово посмотрел на меня.

– Ариадна, думаю, ты прекрасно понимаешь, что дальше так продолжаться не может.

Ох, плохое начало.

– Твой сегодняшний выплеск силы беспрецедентен. Подобная несдержанность выдает незрелость твоего дара, нестабильность магии. Это неприлично, это

опасно, это вредит репутации рода… Мне видятся несколько вариантов твоего будущего, – прохладным голосом произнес родитель.

Взгляд его был суров и слегка грустен.

Я нервно сцепила руки, готовясь к худшему. Собрала всю силу воли, чтобы выдержать пристальный взор отца. В принципе, сам факт моего существования вредит роду, и я понимала проблему его главы.

– Первый вариант – отправить тебя в ссылку в закрытый город, похоронив даже память о тебе.

Я в шоке округлила глаза, не ожидая столь кардинальных мер. Отец меня не щадил. Закрытый город – это место, где контролеры изолируют обвиненных в нарушениях создателей, блокируя их силы. Там же находится и тюрьма. Окруженное вечным туманом, с домами из черного камня, это место является сносным для существования, но безжизненным. Если отец отправит меня туда, я сойду с ума.

– Второй вариант: ты выйдешь замуж. Магия другого рода поможет тебе сдерживать свою. Но есть сложности – подобрать тебе жениха непросто. Ты хороша собой, и у тебя большой уровень силы, но ты плохой ее контролируешь. К тому же… наследственность. Даже если я дам хорошее приданое, претендентов будет немного. Скорее всего, представители родов, у которых совсем бедственное положение.

За откровенность я была благодарна отцу. Сразу вспомнила о Мариусе Кроу. И содрогнулась от подобной перспективы!

– А третий вариант? – хрипло спросила я, отчаянно надеясь на чудо.

– Поступить в Академию создателей! Но неизвестно, сможешь ли ты пройти вступительные испытания. Тебя не готовили… Обучение решило бы множество проблем. Ты обуздала бы силу и стала бы создателем, возможно, имеющим приличный рейтинг. Тогда многие бы закрыли глаза на твое происхождение.

Отец ничего не приукрашивал, и я была признательна ему за честность. Он не бросил меня, не отвернулся, не оставил одну. Я – живое признание его нелицеприятного романа, его ошибка. Но он поступил благородно – взял меня в дом, одел, накормил, воспитал, дал образование. Это то, на что многие не могут и рассчитывать.

Но… родительской любви, искренней близости, семейного тепла в моей жизни не было. Я знала, что меня ввели в семью Элаи из-за моей силы. И это знание неизменно наполняло душу горечью и обидой.

«Он ничуть не любит меня и просто терпит в своем доме. А сегодня его терпению пришел конец!»

– Ты спросишь, почему вопрос с академией не возник раньше? – почему-то решил пояснить отец. – Признаюсь, я размышлял об этом варианте. Но твой дар проявился слишком поздно. Я не уверен, что и сейчас ты справишься с вступительными испытаниями с такой нестабильной силой.

Отчаянно стыдясь своего срыва, я всеми силами старалась сдержать обуревавшие душу эмоции. И, уставившись на свои руки, тихо произнесла:

– Я услышала вас, отец. Есть ли у меня время для подготовки к поступлению в академию?

– Конечно, я найму специалиста, который поможет тебе в этом, так как предпочел бы, чтобы ты поступила в этом году и покинула родовой замок.

То есть меня прогоняют и на подготовку есть всего пара месяцев!

– Благодарю вас, – смиренно ответила я и взглянула на отца. – Еще я попросила бы освободить меня от работы по дому. Чтобы поступить, мне нужно посвятить все свое время учебе.

Задумчиво посмотрев на меня, отец холодно кивнул.

А я, встав, поклонилась и зашагала к выходу на подгибающихся от волнения ногах. И пока не исчезла с глаз родителя, всеми силами сохраняла выдержку.

Лишь свернув в коридор, который вел к моей спальне, я безвольно обмякла, прислонившись к стене.

Бредя к комнате, я раздумывала над тем, что будет со мной дальше.

Сильные создатели, окончив академию, становятся творцами вселенных, то есть элитой общества. Кто послабее, работает помощником творца, наблюдателем за мирами (в простонародье богом) или занят в инфраструктуре реальности Илааса, то есть не являются полноценными создателями.

Выйдя на балкон спальни, я взглянула на море, которое простиралось впереди насколько хватало глаз. Фамильный дом Элаи был расположен на берегу одного из трех морей, которые уходили в бесконечное пространство времени.

Сейчас я любовалась, как солнце закатывается за горизонт: сливаясь с водой, оно окрашивало ее в сиреневый цвет. Как же я любила это место…

Голова невольно качнулась в сторону – на север, где находилась Академия создателей. Я застыла, боясь смотреть в этом направлении. Буду ли я там учиться? Смогу ли?..

– Ты поговорила с отцом?

Обернувшись, я увидела за спиной неслышно подошедшую мачеху. Красивая, всегда слегка отстраненная светловолосая женщина из пятого рода, она имела хорошую родословную и высокий уровень дара.

«Наверное, отец с ней счастлив, хотя мне и сложно понять их чувства», – внезапно подумалось мне.

Впрочем, кто я такая, чтобы судить об этом?..

Я знала, что мачеха не испытывает ко мне любви. Да и с чего бы ей относиться как-то иначе? До ненависти или притеснения она никогда не опускалась, хоть и не позволяла забыть «свое место».

– Да. Через два месяца я отправлюсь поступать в Академию создателей.

– Это прекрасно, – равнодушно кивнула мачеха. – А если у тебя получится – прекрасно вдвойне. Я давно ему говорила, что пора тебе обрести самостоятельность и покинуть наш дом.

Она развернулась и направилась к выходу, не удосужившись даже взглянуть на мою реакцию. Я смотрела мачехе вслед, и на глаза выступили слезы. Наверное, ей было все равно.

Снова повернувшись к морю, я с силой сжала руками перила. Важно было не сорваться вновь, сдержать душившие боль и обиду. Это не мой дом! Не моя семья…

«Я сделаю все, что от меня зависит, чтобы поступить. Все! Я буду создателем с самым высоким рейтингом. Стану самой лучшей! И тогда они будут не стесняться меня, а… хвастаться родством со мной. Я посвящу себя учебе и работе. Не нужен мне муж, в душе испытывающий презрение и согласившийся на брак со мной из нужды. Никаких любовных переполохов в своей судьбе я не допущу. Нет! Только учеба и работа!» – Слова шли от сердца: я клялась себе, обещая…

По щеке скользнула одинокая слеза.

Глава 2. Испытание для двоих

Жизнь не может быть спуском, только подъемом – до самого последнего мига.

«Весь мир театр», Борис Акунин

Ариадна Элаи

На Илаасе редко кто ездил на лошадях, если только на малые расстояния. В основном жители путешествовали порталами, которые были разбросаны по всему материку и объединены в целую сеть. А в Академию создателей вообще можно было попасть только особым, защищенным порталом.

Вот и я, на мгновение ослепнув от перехода, в следующий миг вышла на большую мощеную площадь, заполненную народом. Отойдя в сторону, я с любопытством осмотрелась.

Академия находилась на огромном горном плато, окруженном высоким каменным забором, в котором был лишь один вход и выход – арка телепорта.

В центре площади стоял большой замок, поражающий размерами и красотой. Его шпили устремлялись ввысь и со стороны казалось, что они переплетаются с белыми пушистыми, словно облака, жгутами силы, которые будто бы соединяли небо и землю.

Я слышала, что, по одной из версий, это скопления излишков магии, которые образовывались от студентов, а по другой – необузданная сила бездны, рвущаяся вверх. Сейчас блики света играли на канатах, свитых из магии, словно зайчики, перепрыгивая с одного на другой.

Что было за зданием, мне посмотреть не удалось. По бокам от замка до забора академии тянулась зеленая ограда с вьющимися цветами, которые, перекинувшись на забор, украшали грубоватые камни.

– Какой удачный погожий день, – раздался рядом приглушенный шепоток. – Говорят, в прошлом году во время поступления бушевала страшная буря, и только благодаря стараниям преподавателей студентов не унесло в бездну.

Покосившись налево, я заметила двух переговаривающихся девушек. Одна была из рода хранителей равновесия и носила одежду синих цветов, а вторая принадлежала к обычному магическому роду.

Издревле повелось, что все создатели, имеющие те или иные способности, носили одежду своего рода, но сейчас эта традиция сохранилась только на официальных мероприятиях. Например, на таком, как день вступительных экзаменов.

– Не может быть! Значит, непогода – это правда. А с виду так и не скажешь: академия очень красивая.

С тоской я осмотрелась по сторонам в поисках места, куда бы присесть. Чувствую, ждать начала церемонии мы будем долго.

На территории академии то тут, то там росли красивые раскидистые деревья, под сенью которых стояли лавочки. Однако ни одной свободной не оказалось.

Но расстроиться мне не дал внезапно раздавшийся сильный гул, прокатившийся, кажется, по всему Илаасу, ознаменовав начало вступительных испытаний.

Все абитуриенты начали стекаться ко входу в замок, но появившиеся из больших кованых дверей пятеро создателей остановили толпу. Послышался шепоток.

Две девушки, разговор которых я невольно подслушала несколько минут назад, восторженно выдохнули:

– Деканы факультетов! И ректор!

Пока преподаватели по очереди вычерчивали в воздухе напротив дверей им одним известные знаки, я прислушивалась к тому, как одна из болтушек делилась со второй информацией.

– Трое из деканов факультетов – мужчины, неженатые и милашки, а одна женщина.

Я посмотрела на «милашек»: действительно, деканы были очень хороши собой, но, помимо этого, еще принадлежали к богатым и влиятельным родам, что, безусловно, добавляло им прелести.

– Тот, первый, Аран Сенар – декан факультета богов. Всем известно, что его отец – глава рода и один из известнейших создателей, а вот сам Аран – просто талантливый бог. В их роду бывает такое, хоть и редко, и в следующем поколении Сенары ждут сильного создателя.

Сын главы рода сверкал на толпу зелеными глазами с пляшущими в них бесенятами, словно вся эта ситуация забавляла его. В песочных волосах, волнистых, чуть короче плеч, играли блики солнца, а небольшая бородка и усы лишь придавали его облику лоска и некоторой эксцентричности.

– А рядом с ним декан деструкторов – Грун Русир? – с придыханием спросила внимающая девушка. – Он такой потрясающий.

– Да. Говорят, не так уж много создателей, чьи творения могут устоять под его разрушающей силой. Однако он очень бесцеремонный и иногда даже грубый. Не будь декан таким талантливым, думаю, его бы изгнали из высшего общества.

Русир был невысок, коренаст и широкоплеч. Темная челка ниспадала на «стальные» пронзительные глаза. Недурен собою, но это скорее следствие уверенности в себе, чем какой-то особой внешней красоты. На его шее красовался ожог необычной, немного загнутой формы.

Несмотря на странности, а может, и благодаря им, Русир вызывал во мне симпатию.

– Ох! – выдохнула девушка, которая с жадностью слушала свою знакомую, и я поняла, о ком сейчас пойдет речь.

– Да… Диан Графт – декан факультета контролеров. Он, можно сказать, лучший представитель своего рода. Побывал почти в ста экспедициях по исследованию пространств для создания миров. Прекрасная родословная, сильный и талантливый следящий, которого уже сейчас опасаются многие создатели, – мечтательно вздохнула первая девушка. – А еще он невероятный ловелас.

Графт оказался очень высок, грациозен и элегантен, но в его красоте было что-то дьявольское, видимо, именно эти загадочность и порочность притягивали к нему женщин как магнит.

– И еще Анара Савт, декан плетельщиков. Говорят, ей очень много лет, а по виду так и не скажешь.

Действительно, хоть женщина стояла неблизко, можно было прекрасно рассмотреть черные, лишь слегка посеребренные сединой, кудрявые волосы и выразительные темные глаза. Морщин было немного, но для создателя подобное означало солидный возраст.

В этот момент от преподавателей отделился ректор, пожилой мужчина в черной мантии, и, сделав несколько шагов вперед, заговорил:

– Мы приветствуем всех желающих попробовать поступить и просим по очереди, согласно списку, входить в здание, где вы пройдете испытания, которые покажут, достойны ли вы учиться в Академии создателей.

Едва он это произнес, как Графт взмахнул рукой – и свиток пергамента с пером завис в воздухе.

– Когда прозвучит ваше имя, – продолжил декан факультета контролеров, – вы войдете в эти двери и окажетесь в зале испытаний, там вас будет ждать приемная комиссия.

– Мы желаем вам удачи, – произнес Русир немного резким, с легкой хрипотцой голосом.

Деканы с ректором скрылись за дверьми, а над площадью раздалось первое имя.

Я же продолжила прислушиваться к неожиданно появившемуся у меня источнику информации.

– Декан факультета создателей – сам ректор, Ниркор Фаранар. Он наследник главы рода хранителей равновесия и выглядит старше своего отца. Говорят, создает одни из самых крепких и прочных миров. Замечательный профессионал, при выпуске из академии занимал вторую строчку рейтинга создателей, – просвещала рядом стоящая девушка свою знакомую и меня.

– Он молодой?! – удивилась подружка рассказчицы, изящная блондинка.

И в унисон с ней едва не воскликнула и я.

– Эта история не предается огласке и тем не менее многим известна. Ты же знаешь, что их роду принадлежит патент на изобретение метаморфов. Они создатели этой расы, отчасти именно благодаря своей особенности менять внешность. Вот, говорят, как-то наш ректор экспериментировал и что-то намудрил. В результате остался стариком, похоже навечно.

Чем больше я слушала, тем больше мне становилось жаль мужчину. Молодой дух в старом теле – страшное наказание.

– Случилось все это незадолго до того, как он пришел руководить академией. Их род на протяжении тысячи лет курировал ее, но будущий глава рода впервые занимает официальную должность. А ведь у него героическое прошлое, он сражался с пустотой…

– Он помолвлен? Нашел свою половинку? Как же теперь продолжение рода? Ах, как я сочувствую его будущей жене! – ужаснулась блондинка.

Отчасти я была вынуждена с ней согласиться, как бы жестоко ни прозвучали ее слова. В то же время я была уверена, что в знатном роду было кем заменить бедного ректора. А вот он обречен вести жизнь старика. И мне его искренне жаль.

– Нет, конечно. Мне кажется, даже его половинка за него не пойдет.

Порыв ветра отбросил на глаза прядь волос, и я немного отвлеклась от разговора сплетниц.

– Ну, как тебе это выступление?

Обернувшись, я увидела невысокого, темноволосого и очень симпатичного парня. Он скосил глаза на двух болтушек и криво улыбнулся, а я поняла, что он, так же как и я, все время слушал их.

Но ответить ему я не успела, лишь улыбнулась – прозвучало мое имя, и я заметила, как многие из оставшихся на площади абитуриентов заозирались. Внебрачные дети в семьях влиятельных родов – очень редкое явление, а уж тех, у кого хватает сил на поступление, и вовсе единицы.

Проигнорировав все пристальные взгляды, я с высоко поднятой головой прошла ко входу в замок и, открыв тяжелые массивные двери с изображением пяти гербов, шагнула в переливающееся марево, очутившись внутри большого зала.

В конце него за столом полукругом сидели преподаватели академии. Четырех деканов и ректора я уже видела и имела о них общее представление. Трое других создателей были мне неизвестны: немолодой мужчина, одетый в мантию серого цвета, и две женщины – одна довольно пожилая, чьи волосы давно посеребрила седина, вторая, медноволосая создательница, годящаяся мне в матери.

Я осмотрелась. Каменные стены, гербы и массивная мебель создавали неуютную, официальную обстановку. Тревожную… И я еле удержалась, чтобы не передернуть плечами.

– Добрый день! – приветливо улыбнулся пожилой ректор. – Ариадна Элаи… Очень впечатляющий уровень дара. Очень!

Я растерянно на него посмотрела.

– Э-э-э…

– Как мы определили уровень вашего дара? Вы же прошли через двери, а до этого мои мальчики над ней поработали, – все так же приветливо сообщил Ниркор Фаранар.

Его «мальчики» – как у него только язык повернулся их так назвать – на слова своего начальника никак не отреагировали, лишь внимательно и пронизывающе продолжали меня разглядывать.

– Кхм… – прокашлялась я, думая, уместно ли что-нибудь спросить.

Ректор же повернулся к медноволосой женщине и сказал:

– Мирёна…

Создательница понятливо кивнула, вскинула руку – и в это же мгновение справа в стене зала загорелись четыре двери.

– Вы должны войти в дверь, предназначенную для создателей, и пройти уготованное вам испытание, – просветил меня глава академии.

– И все? – настороженно спросила я.

Создательница слегка улыбнулась и предложила:

– А вы попробуйте.

Чувствуя какой-то подвох, но не имея выбора, я шагнула к первой двери синего цвета и, прикоснувшись к ручке из серебристого металла, обернулась.

Ректор с совершенно отрешенным видом что-то писал в своих бумагах, сидящая рядом с ним дама о чем-то ему увлеченно рассказывала, выводя в воздухе руками фигуры. Остальные равнодушно занимались своими делами, не обращая на меня внимания.

Моя судьба мало кого здесь волновала…

Внутри поднялась волна протеста. Снобы! Родились и выросли в высшем обществе, талантливые и удачливые. Да это дело принципа – доказать всем, что я чего-то стою.

С таким боевым настроем я шагнула навстречу первому испытанию.

* * *

Оказавшись в небольшом круглом помещении с двумя дверями и окном, я решила понять, где нахожусь. Вдруг это уже не моя реальность?

Я подошла к окну, и от открывающегося из него вида у меня перехватило дух: я очутилась на самом верху башни академии. Не все могут создавать наведенные порталы так небрежно, как та медноволосая создательница.

– Чего стоим?

Обернувшись, я встретилась взглядом со смеющимися, стального цвета глазами ректора.

При ближайшем рассмотрении у Фаранара оказались исключительно правильные черты лица: прямой нос, точеные скулы и четко очерченные губы характеризовали его как упрямого и сильного человека. Светлые с сединой волосы были собраны на военный манер в хвост. Видимо, это привычка из прошлого, когда создатели смиряли пустоту. И пусть магия оставила сильный отпечаток на внешности ректора, состарив его, он все равно был приятным и внушал уважение.

– А? – только и смогла произнести я, растерявшись.

– Начинаем проходить испытание.

– Нужно что-то делать? – запаниковала я.

Все, я, скорее всего, не пройду это испытание, если даже не понимаю, как нужно поступить.

– Вы должны отрешиться от всего и освободить свою силу.

– Может, не стоит? – я сделала шажок назад.

Из моей памяти еще не изгладился тот последний раз, когда я поступила подобным образом.

– Смелее, – приободрил меня ректор уверенным, в отличие от моего, голосом.

И я перестала сдерживаться: не знаю почему, но инстинктивно я доверилась ему. По комнате сразу поплыл черный туман, закручиваясь в воронку вокруг уважаемого академика. Тот косо смотрел на творимое непотребство, но пока ничего не предпринимал.

А когда я увидела нависающую над ним живую швабру, то поняла – зря. Надо быстрее брать все под контроль!

Однако вредная хозяйственная утварь не позволила мне подобного, решив напасть на главу академии. Все! Вот на этом мое поступление и закончится.

Подскочив к Фаранару, я схватила опешившего мужчину за руки и оттащила с траектории полета швабры. Ректор вяло сопротивлялся моему самоуправству, но я успела ощутить крепкое, несмотря на возраст, тело.

– Знаете, вам лучше постоять здесь.

– Уверены? – потешался создатель, пока терпя мои выходки.

Проследив за занявшей атакующую позицию шваброй, я замотала головой.

– Нет, может, лучше немного левее. – И потащила ректора в другую сторону, одновременно с этим пытаясь, как могла, усмирить швабру.

И откуда только взялась, нехорошая?!

В этот раз швабра оказалась быстрее меня и со всего маху опустилась на голову преподавателя. Я быстро отцепилась от ректора, подумав: «Ну все, сейчас меня этой шваброй отсюда и погонят».

Но Фаранар развернулся, смерил швабру оценивающим взглядом и, хмыкнув, заметил:

– Это ты зря.

Щелкнул пальцами, но в ответ ничего не произошло. А швабра, объятая моими силами, шмякнула его по лицу.

– Значит, так, да? – прищурившись, посмотрел на нее ректор.

Глядела на швабру и я, только не понимала, что в ней разумного. Возникли подозрения, что ректор немного «ку-ку».

– Побудьте здесь, мы ненадолго отойдем, – совершенно серьезно сообщил мне глава академии.

– Да, конечно, – закивала я как болванчик. – Я тут подожду… если что.

Чувствую, и меня покидает разум.

Фаранар схватил в руки вырывающуюся швабру, которая все пыталась начистить лицо своему пленителю, дошел до ближайшей двери, за которой оказалась кладовка, закинул драчунью туда и зашел следом, закрыв за собой дверь.

Послышался удар, звон и грохот, кажется, что-то разбилось и… сломалось. В наступившей тишине я чуть не начала молиться, совсем забыв о том, что я вроде как создатель, хоть и недодела… Э-э-э, необученный.

Вскоре ректор вышел из кладовки. Швабра была спелената чужой силой, а Фаранар выглядел довольно потрепанно. Парадная мантия сбилась с плеч, правый рукав задран по локоть, прическа испорчена, и парочка седых прядей неопрятно свисала на холеное аристократическое лицо в морщинах.

Зато в глазах главы академии горели любопытство и вызов. Возникла сумасбродная мысль, что эта небольшая заварушка ректору даже понравилась.

– Первое испытание вами пройдено, – мимоходом ответил Фаранар, поправляя одежду. Волосы сами по себе собрались в хвост.

– Спасибо, – проблеяла я, пару мгновений таращась на создателя и механически переставляя ноги.

Все еще находясь под впечатлением, я направилась ко второй двери в комнате.

Прежде чем шагнуть за порог, я подумала о том, что ректор скорее всего ненастоящий. Ну не мог же сам глава академии возиться со мной? Вступить в бой со шваброй? Или мог?

Не-е-е… Точно ненастоящий. И, открыв дверь, я шагнула вперед.

* * *

Следующая комната оказалась небольшой и очень захламленной. Везде лежали книги, странные предметы и вещи. От книжной пыли, которая витала в воздухе,

я смачно чихнула и лишь затем увидела нового экзаменатора.

За столом, стоящим посреди комнаты, сидела женщина с пучком на голове и выдающимся крючковатым носом, исподлобья глядя на меня. Смутившись из-за неприличного чиха, я выдавила приветливую полуулыбку.

В ответ прозвучало недоброжелательное:

– Ну?

– Э-э… – начала я, не представляя, что от меня требуется.

Вот что за невезение? Никто не говорит, что необходимо делать!

– Садись.

Прямо перед столом появился стул с высокой спинкой, на который, уже настороженно косясь на незнакомку, я и опустилась.

– Я Диара Мур, секретарь и хранитель ключей академии. Ко мне обращаются по всем бытовым вопросам. Я же слежу за дисциплиной, – рассказывала женщина, что-то записывая в своем пергаменте. – Вопросы?

Ну что спросить? Все понятно… почти. Разве что?..

– Скажите, а ректор был на моем испытании?

– С чего бы ему там быть? – проскрипела Мур, ее грязно-пепельного цвета густые брови еще сильнее сползлись к переносице, пока она сверлила меня своими темными цепкими глазами.

Но, учитывая недавний инцидент, меня этим хмурым видом было уже не напугать. Я облегченно выдохнула после ее слов. Правда, выдох чуть не застрял в горле, когда она еще более мрачно добавила:

– Возможно, и был. Мне неведомы мысли серьезных господ.

Все, теперь я в панике! Сцепив пальцы в замок и нервно осматриваясь по сторонам, я, снедаемая неопределенностью, ждала, когда же объявят мой приговор.

– Давай мне руку сюда и высвободи свою силу.

– Может, не надо? – перепугалась я окончательно. – Я еще плохо ее контролирую.

– Ты что, думаешь, я тут за несколько сотен лет не насмотрелась на создателей? Не льсти себе и шевелись. Нечего задерживать очередь.

Проникнувшись такой отповедью, я послушалась, и черный дымок, выбравшись из-под пальцев, поплыл к Мур, а она, перехватив, наложила его на пергамент, лежавший перед ней.

Тот засветился и, поднявшись в воздух, резко рухнул вниз.

– Все, в академию зачислена. Занятия начинаются завтра, все необходимое получишь в библиотеке и канцелярии. Дверь направо – твоя комната.

Посмотрев на мрачный дверной проем, рядом с которым располагались огромная бутыль со странной жидкостью и стопка непонятных книг, я решила улизнуть отсюда, пока никто не передумал о моем зачислении.

Уже закрывая за собой дверь, я услышала ругань Мур, странные звуки двигающихся предметов и грохот падающих вещей. Возвращаться и проверять, что же там случилось, благоразумно не стала: меньше знаешь, крепче нервы и лучше аппетит.

– Вот ведь неуправляемая, – услышала я последнюю фразу. – Не зря он лично присутствовал!

* * *

Комната, в которой я очутилась, имела общую прихожую, а дальше была разделена перегородкой. Одна половина, по правую руку, была занята, левая оказалась свободной. Первое впечатление: серо, уныло, убого и пусто!

Стоявшая у окна полненькая девушка, в красивом нарядном платье из довольно дорогой ткани с искрящимися магическими прожилками, встретила меня настороженно: пара черных глаз из-под челки испытующе оглядела меня, и только после этого соседка направилась ко мне.

– Кава Зир, – представилась она, вскинув подбородок, будто защищаясь.

Младшая дочь двоюродного брата главы рода. Для элиты положение у нее не блестящее, но все равно лучше моего.

– Ариадна Элаи.

Дочь рода Зир так же приняла к сведению мое положение, хотя на ближайшие десять лет это будет не столь актуальной проблемой. Академия жестко наказывала за любое проявление неравенства. И все же Кава несколько расслабилась.

– Комнаты каждый год появляются из подпространства и возникают в академии то тут, то там. Наша не в самом лучшем состоянии. Убрать поможешь?

Я пожала плечами:

– Легко! Но где вся мебель?

– Нет ее. Когда я спросила у Мур, та ответила: что сами создадим, с тем и будем жить. Не положено нам.

– И спать на полу? – ужаснулась я.

– Вижу, ты поняла проблему.

Вся настороженность у моей новоприобретенной соседки исчезла, сейчас она с кривой ухмылкой, почти как бывалый студент, снисходительно смотрела на

меня.

Первый день в академии выдался очень веселым. Я долго работала в родном доме за экономку, и убрать комнату для меня не было проблемой. Уже через час все сверкало чистотой. А вот что-то создать из ничего – это не обычная магия, которой нас учат с детства, а начальный уровень богов.

Вот интересно, так у всех или только у нас?

На такой пессимистичной ноте было решено отправиться в канцелярию и библиотеку за всем необходимым. И судя по разговорам, которые я там услышала, у всех факультетов была схожая ситуация.

Я начинала понимать политику преподавательского состава. Трудности сближают, да. И сейчас, с учетом того, что спать нам придется на полу, мы были близки как никогда.

А вечером академия просто фонила магией: все пытались за несколько часов стать как минимум богами. Не знаю, может, кому и удалось, только не нам.

Но мне было все равно: я наконец-то сделала первый шаг к успеху. В свете этого стоит ли переживать из-за отсутствия удобств?

Мелочь и суета.

* * *

Ниркор Фаранар

За окном в очередной раз расходилась буря: лил дождь и то здесь, то там появлялись отблески молнии. Бездна снова чудила, беря плату за небольшую передышку днем.

– Стихия вновь разбушевалась, видимо, нашей магии не надолго хватило. Хорошо хоть, днем удалось сохранить хорошую погоду, а то в прошлом году студента унесло в бездну, еле спасли. Нехорошо, – раздался сзади голос Диана

Графта, вырывая меня из задумчивости. – Чем занимаешься?

Когда-то мы вместе учились на создателей, и удивительно – вечное соперничество за рейтинг не испортило нашей дружбы. А потом Графт, благодаря открывшемуся таланту, перевелся.

– Отдыхаю после трудного и насыщенного дня. А еще залечиваю шишку на макушке.

Увидев удивленный взгляд друга, я поморщился, но рассказал.

– И ты не смог справиться с магией первокурсницы? – посмеивался надо мной Диан, усаживаясь в одно из мягких кресел, расположенных у стены.

– Здесь не все так просто. В этом году на потоке довольно много хороших создателей, но отличных всего лишь пять. Трое – чистые заготовщики, как мы с тобой. Сила есть, работают по технологии и создают хорошие вселенные. Другие двое – жизневики. Их сила в жизни, которой они стремятся напитать все вокруг.

– Не может быть, – чуть прищурился друг, но его глубокий интерес выдали длинные холеные пальцы, сильнее сжавшие подлокотник.

– Именно. Они создают технологии жизни, часто их миры уникальны. Но это в том случае, если им удастся стреножить свою магию, подчинить ее, воспитать. Тут нужна недюжинная сила воли.

– Вот почему ты самолично принимал у этих студентов испытания.

– Да, все показали хорошие результаты. А юная Элаи еще и в состоянии приструнить свою силу. Это большой плюс и во многом зависит от воспитания. Не представляю как, но ее семья, несомненно, поспособствовала этому.

– Эх, жалко, я не видел, как она тебе врезала. Сильная девушка, хоть и бастард.

Услышав демонстративно насмешливое замечание, я поморщился. Ведь Диан знает, как я не люблю подобные ярлыки в чьей-то родословной, и все равно меня провоцирует. Но ответил спокойно, просто констатируя общеизвестный, пусть и

не афишируемый факт:

– Если она сможет выучиться на создателя жизни, ее происхождение мало кого будет волновать. Любой род с радостью урвет себе лакомый кусочек.

Друг подошел ко мне и положил руку на плечо.

– А что в отношении… твоего дела?

– Ничего, – подавленно вздохнул я. – Время проходит, а результатов никаких. Не представляю, сколько я еще так выдержу. Все бы ничего и с ожиданием можно было бы смириться, но ревматизм порой просто убивает.

– М-да. Смотри на это с положительной точки зрения: если бы ты не решился на этот поступок, твоя жизнь была бы совсем невыносимой.

– Ты каждый раз говоришь мне это, но легче не становится.

– Ну, это было твое решение, а у каждого действия или бездействия есть свои последствия.

– Старый – я, а зануда – ты. Приготовь лучше тот теплый чудодейственный напиток со специями и коньяком.

– Ага! Так и знал, что тебе понравится. Ну что ж, он действительно не помешает. Впереди нас ждет очередной нелегкий год.

В камине потрескивал огонь, а в комнате пахло корицей и хвоей.

Глава 3. Главное в жизни

В судьбе нет случайностей; человек скорее создает, нежели встречает свою судьбу.

Лев Николаевич Толстой

Ариадна Элаи

Утром я уже не думала, что отсутствие удобств так уж неважно. Еле поднявшись с холодного пола и немного подлечившись, я с трудом смогла привести себя в должный вид. Мысленно стеная, отправилась на вводную лекцию, по пути отмечая хмурые, зачастую помятые со сна физиономии первокурсников. Надеюсь, я выгляжу лучше.

Надо в ближайшее время что-нибудь придумать, долго я так не протяну.

Я добрела до информационного пятачка, где в воздухе кружились цветные, согласно факультету, магические шарики – для каждого студента свой. Выловив в море разноцветных посланий то, на которое откликнулась моя сила, я схлопнула магический пузырь и впитала необходимую информацию.

Она с легким жжением враз пробежала по моему телу, предоставив разуму разбирать полученное знание, а заодно и неплохо взбодрила. В академии все идет на пользу делу!

Покрутившись немного среди не менее ошарашенных студентов, я привела в порядок мысли и отправилась на вводную лекцию для создателей. Не то чтобы раньше я сомневалась, что попаду именно на этот факультет, но все равно получить подтверждение стало большим облегчением.

Пока я добиралась до нужной аудитории, плутая по незнакомым коридорам и залам, просмотрела и полученный план академии. Нескоро я досконально ее изучу – учебное заведение было поистине огромное, а о назначении некоторых комнат можно было только догадываться. Некоторые корпуса то появлялись, то исчезали. Но предупреждали об этом лишь вскользь. Я задумалась: вот интересно, студенты тут не пропадают?

– Доброе утро, – раздался голос сзади, и я вздрогнула от неожиданности.

Обернувшись, я увидела невысокого брюнета, который заговорил со мной перед вступительным испытанием. Сейчас, облаченный в одежду синего цвета, как и я,

незнакомец смотрелся на диво привлекательно.

– Доброе, – подтвердила я и, ожидая продолжения, посмотрела на парня.

Тот рассмеялся и склонился в поклоне:

– Каси Шар.

Я не слышала такой фамилии среди родов, значит, его родители не из руководящей верхушки.

– Ариадна Элаи. Приятно познакомиться.

– А уж мне-то как. Говорят, ты одна из немногих создателей на потоке, кто может занять первое место в рейтинге.

Я покраснела от похвалы, и душа в мечтах вознеслась.

– И еще ты понравилась ректору. Он положительно отзывался о твоих способностях. Шутил, что как бы академия не ожила.

Вся краска схлынула враз, и мое лицо побледнело, а душа тут же ушла в пятки, не решаясь показать носа. Перед глазами так и стояла картина, как швабра врезала ректору по макушке.

Интересно, это был он или фантом испытания?

– Не знаю, с чего это мне такая похвала… – промямлила я, невольно замедляя шаг.

– В любом случае пока нечего надеяться на достижения: первые несколько лет обучения нас ждет только теория и еще раз теория. Как со скуки не помереть?

Вспомнив об отсутствии даже кровати в своей комнате, я засомневалась в последнем утверждении. Скорее нас ждет самостоятельное и еще раз самостоятельное освоение простых знаний. Благо, библиотека открыта

допоздна.

– Ты уже сотворил себе кровать в комнате? – полюбопытствовала я у оптимиста.

– Не вижу смысла напрягаться. Сначала попробую пойти обходным путем и попрошу одного из старшекурсников помочь. Есть у меня парочка знакомых.

Тут мы повернули за угол и вышли к длинным внутренним балконам, которые опоясывали корпус по кругу на каждом этаже и с которых открывался вид на огромный зал. В центре него, упираясь в самую крышу, стояли пять, согласно факультетам, колонн, на которых были начертаны фамилии студентов и их места в рейтинге. Созданные магией, они ярко светились, притягивая взгляды. На самом верху колонн находились имена самых сильных создателей – молодой элиты нашего общества.

– Впечатляет, правда? Многие из нас пошли бы на что угодно, лишь бы попасть на вершину.

Скосив взгляд на Шара, я хитро переспросила:

– Так ли уж на что угодно?

Тот пожал плечами и просто подмигнул. Позер!

– Пойдем, скоро начнется лекция, – сказала я и, развернувшись, направилась в один из коридоров, где наткнулась на двух ругающихся девушек.

Казалось, еще немного и начнется драка.

– Интересно, что они не поделили?

– Старшекурсники, а значит, скорее всего, место в рейтинге.

Я, нахмурившись, посмотрела на парня:

– С чего решил?

– А ты не замечала, пока мы сюда шли, – чем старше курс, тем группа менее дружная. Мы же все соперники. Только младшие курсы не набирают нужное количество очков и уступают в умении старшим, поэтому переплюнуть их шансов практически никаких. А вот одногодки могут и посоперничать.

Зная законы нашего общества, я совсем не удивилась таким отношениям и приблизительно была готова к чему-то подобному. Но одно дело – знать, и совсем другое – видеть.

К счастью, мы уже вошли в аудиторию и, найдя удобное место в серединке, стали осматриваться по сторонам. Конечно, не обошлось без того, чтобы я не поймала в свой адрес несколько презрительных взглядов.

Может, дошло бы и до высказываний – новички не выработали еще понимания правил академии о равенстве, но в аудиторию, немного прихрамывая, вошел ректор.

Сегодня он был уже без парадной мантии, а в черном глухом сюртуке до середины бедра, с золотым тиснением по воротнику-стойке и обшлагам рукавов, и прямых темных брюках, заправленных в высокие сапоги.

Обведя притихших студиозов внимательным взглядом, Фаранар произнес хорошо поставленным голосом:

– Добрый день. Я рад приветствовать новый набор создателей. Надеюсь, ваша учеба сложится легко и вы достигнете небывалых высот. Миллионы лет назад, когда мы с трудом смогли выиграть войну с пустотой, вселенных осталось очень мало, а ведь благодаря им в нашей реальности существует жизнь. Чем больше прекрасных миров создается, тем сильнее создатели, наше общество движется вперед, прогресс не стоит на месте.

Сердечко забилось, позволяя мечте вынырнуть и хоть на несколько мгновений поглотить меня.

– И вот мы отобрали самых одаренных, которые через десять создательских лет закончат обучение, и мы увидим лучших из лучших, чьи миры будут всем приносить больше жизни и больше сил. Но до этого нужно еще многое пройти и многого достичь. Как вы знаете, в Академию создателей мало поступить, нужно

ее окончить. В этом я и желаю вам удачи и терпения.

Аудитория зааплодировала. Глава академии говорил с таким чувством и настолько правильные вещи, что сложно было остаться к его словам равнодушным.

– Теперь должен сообщить о более обыденных вещах. У нас имеется четкая система: за обучение, поединки, лабораторные работы даются баллы. И чем больше баллов получаете, тем выше ваше положение в рейтинговой таблице.

При слове «поединки» по аудитории пролетел взволнованный вздох, и ректор слегка улыбнулся. У него, видимо, каждый год одно и то же.

– Ну и конечно, нужно сказать о главном – о системе обучения. Все вы знаете, что в академии есть пять факультетов: создателей, богов, плетельщиков, деструкторов и контролеров.

Я внимательно вслушивалась, чувствуя, как важна будет для меня эта информация.

– На факультете плетельщиков обучаются боги, которые плетут судьбы всего, что существует, и даже наши. Путь высших сущностей нашей реальности они видят и знают, но не могут изменить. Остальное, что существует во времени и пространстве, подвластно их умелым рукам.

Если вспомнить все, что я слышала о плетельщиках, получается, что в академии они отщепенцы. Живут обособленно, и остальные стараются с ними лишний раз не контактировать. Страшное бремя знания они несут на себе.

– Плетельщики практически не связаны с работой остальных факультетов, как и контролеры – будущие хранители порядка. Они следят за ним в нашей реальности, а также за тем, чтобы созданные нами миры соответствовали установленным законам. Контролеры уже в академии работают в команде создателя.

Фаранар рассказывал о тонкостях обучения, а я сгорала от нетерпения приступить к нему немедленно.

– Деструкторы – это антисоздатели. Их сила в том, чтобы проверять на крепость созданные нами миры, а также те, которые уже изжили себя. Более сильные деструкторы работают с создателями во время сотворения вселенной, более слабые наблюдают за старыми мирами. В некоторых реальностях им, как и богам, даже придумали свои названия.

Я вспомнила, что в одном из технических миров им дали такое забавное название, как «Четыре всадника апокалипсиса». Впрочем, деструкторам все равно, они приходят и уничтожают саморазрушающийся мир. Без жалости и сожаления.

– Ну и еще два факультета – создателей и богов. Первые – очень сильные сущности, способные созидать живое. Вторые, из-за более скромной силы, наблюдают за уже созданными вселенными, мирами, а иногда и просто народами.

Папа рассказывал, что найти для своих миров хороших богов – большая удача, от этого зависит жизнь твоих творений.

– Ближе к концу обучения создатель набирает себе команду, с которой будет работать, и от этого зависит, насколько успешно он закончит академию, ибо диплом будет коллективным творением. Ну и конечно, место в рейтинге. А теперь вопросы.

В аудитории взметнулось множество рук, и глава академии указал на первого поднявшего руку.

– Когда у нас начнется практика?

– После пятого курса. И чем ближе к концу обучения, тем интенсивнее практика.

По аудитории пробежал вдох разочарования. Так нескоро. Я понимала студентов, мне самой не терпелось создавать миры и реальности. Эх, еще бы знать, как это делается.

– У нас будет один и тот же режим обучения? – еще один вопрос.

– Нет, в зависимости от курса режим учебы будет меняться. Обучающего персонала у нас не так много, поэтому академия живет в нескольких временных отрезках. Для каждого потока свой часовой пояс, а преподаватели и их помощники имеют возможность перескакивать из одного времени в другое. То есть пока у вас день, у другого курса может быть вечер или ночь, так как он учится в другом часовом режиме. И со многими старшекурсниками вы вполне можете пересечься лишь несколько раз, и то случайно. А чтобы найти нужного вам создателя, необходимо знать ритм жизни его курса. Ну, или надеяться на удачу.

И снова настоящий гомон в аудитории.

– Создатели расходуют время намного более затратно и небрежно, чем наши создания. Вот в академии и научат вас… экономить.

Развить дискуссию на эту тему ректор не позволил, видимо, его время дорого, и уже через несколько минут нас отпустили, предварительно снабдив новыми информационными шарами с расписанием.

Оказавшись в коридоре, я все еще под впечатлением подошла к перилам, и с высоты третьего этажа мне вновь открылся вид колонны с рейтингами. Мое имя было подсвечено синим и сейчас стояло четвертым снизу. Оно притягивало взгляд, гипнотизировало, рождая в душе что-то новое, давая надежду, позволяя помечтать о невероятных горизонтах.

Ну что, Ариадна, ближайшие десять лет придется потрудиться? Как сказал ректор, судьба любит дерзких!

А значит, идем только вперед и не сдаемся!

И кто знает, какую позицию займет мое имя через пару лет?

* * *

Семь лет спустя

Расположившись на скамейке на одном из балконов, я ожидала Каси и непроизвольно бросала взгляд на колонну с рейтингом. Знаю, что глупо постоянно следить за показателями и старшекурсников мне уж точно не переплюнуть, но… Постепенно привычка превратилась в манию.

Теперь, когда шел уже восьмой год обучения, мое имя стояло тридцать вторым в рейтинге и было выше, чем у других студентов на моем курсе.

Вздохнув, я прикрыла глаза и прислонилась затылком к холодной каменной стене. Многое изменилось за эти годы, я стала другой.

Непроизвольно я перенеслась в воспоминаниях назад.

Семья восприняла мое поступление благосклонно, я неожиданно для себя даже получила подарок. Правда, домой на каникулы ездила редко, когда срок разлуки становился совсем уж неприличным.

Как ни странно, пребывание дома проходило комфортно: я пряталась в своей комнате, занимаясь тренировками силы, или с книгой в библиотеке. И все были довольны: родные не видели меня, я – их. Совершенная идиллия, если бы не редкие светские мероприятия.

В академии же потянулся нудный первый курс.

Практических занятий с нами не проводили, и мы старались самостоятельно создать себе мебель. Причем создать ее надо было обязательно самому, в противном случае, если ты засыпал на результате чужого труда, утром просыпался на полу.

Это оказалось настоящей пыткой, и студенты косяками ходили в библиотеку, но и там всю информацию, если она не касалась учебного плана, приходилось искать самим.

Несмотря на то что шкафы и полки периодически менялись местами, через несколько месяцев я знала почти досконально, что есть полезного и где оно может очутиться.

А потом закончились канцелярские принадлежности, и новых нам никто не выдал. Дело пошло еще шустрее, потому что за отсутствие конспектов лекций наказывали.

На втором курсе нас практически перестали кормить. Еда выдавалась два раза в день – на завтрак и на полдник. В остальное время предстояло добывать ее самому. И по вечерам юноши и девушки мечтали не о романтике и своих будущих половинках, а о бутерброде с мясом, а то и о чем-то посущественнее.

В таких условиях студенты учились не жалея сил, и, по мере борьбы с разными трудностями, наша группа сплотилась. У меня появились друзья, знакомые…

Каси Шар мне не очень нравился, мы по-разному смотрели на вещи, однако было у него одно неоспоримое достоинство – верность.

Руки в кремовых лайковых перчатках крепче сжали поручень скамейки. Я отстранилась от стены, усаживаясь вновь прямо и расправив плечи. Даже несуществующие складки на темно-синем шелке пышного подола изящного легкого платья разгладила, возвращая себе безмятежный вид.

Я знала, на что шла, когда поступала в академию. Это учебное заведение умеет закалять характер лучше многих других. Если не всех!

Сейчас, на восьмом курсе, в преддверии скорого выпуска, из друзей не осталось почти никого. Вот такая судьба у создателя. И для меня этот год – один из самых ответственных: я должна набрать себе команду.

– Снова мечтаешь?

Обернувшись, взглянула на подошедшего друга.

– Жду тебя и вспоминаю годы нашей непростой учебы. – Я криво улыбнулась.

– Это прекрасно, но нам пора отправляться на первую лекцию к господину ректору. Многие говорят, они захватывающие.

Встав со скамейки, едва уловимым жестом поправила подол и с тяжелым вздохом призналась:

– Мне хватило адреналина на прошлом поединке. До сих пор волосы на голове шевелятся.

Я передернула плечами и уверенно направилась по коридору.

– Ой, ну перестань. Подумаешь, Инра создала огромную змею. Ты на своем ящере тоже смотрелась очень уверенно. Ваша схватка была прекрасна.

Да, вот так тренируются студенты: поединок или охота, и ты на своем создании должен выстоять, победить, поймать… За это получаешь самые высокие баллы.

– После того случая я стала на курсе первой, обойдя Нада. А ты знаешь, амбиции Нада соразмерны с его безмерной наглостью. Теперь опасаюсь проснуться ночью с ножом в спине.

– Создателя непросто убить, у нас же жизней больше, чем у кошки.

Так, за разговорами, мы быстро добрались до нужного места.

Войдя в аудиторию, я заняла место поближе к окну: обожаю смотреть на силу, беснующуюся или играющую с облаками.

– Вот и наша безродная пришла, – раздался сзади голос Нада.

Обернувшись, я увидела, что мой недруг, как всегда, одет по самой последней моде. Его тугой белоснежный воротник, мне кажется, был готов задушить хозяина вместо меня.

За годы в академии я поняла: с динозаврами рядом жить – метко надо бить. И научилась жесткости, в том числе благодаря этому гаду.

– Может, хватит уже? – нахмурился Каси.

– Женишься на ней, и я сразу перестану говорить правду об этой «милой» девушке, – улыбнулась эта гиена.

– И так прекратишь, – порадовала Нада я.

Вот ничему этого придурка жизнь не учит. По нашим стычкам он должен был уже понять, что подобного я не спущу, а то совсем затравят. Но все равно не обратил внимания на ожившую сзади него штору, пока та не обмоталась вокруг его шеи, начав душить.

А что? Я лишь помогла воротничку, затянула его покрепче…

Мои чары Наду было не снять, и он уже посинел, когда вошел ректор и нейтрализовал мою месть.

– Еще раз повторится ваша склока, сниму баллы.

Даже полудохлый Над, судорожно рванувший недавно идеальный воротничок, делая судорожные вдохи, проникся. Цвет лица резко поменялся с синего на бледно-серый.

Наказание… Чтобы задушить этого гада, я готова даже на кухне поработать. Он, конечно, потом оживет, зато сколько морального удовольствия.

Видимо, мысли слишком явно отражались на моем лице, потому что преподаватель сурово произнес:

– Элаи, после занятий подойдете ко мне.

Лекция только-только началась, а группа уже жадно следила за ректором. Все мы знали одно: с восьмого курса начинается постоянная практика, а все лекции у нас ведет лично глава академии.

Фаранар работал только со старшими курсами.

– Каждый год я вижу это голодное выражение на лицах студентов, которые с таким нетерпением ждут практики. А потом, когда учащиеся получают

желаемое, голод сменяет мука…

Мы все переглянулись: от слов преподавателя становилось не по себе. Лабораторные, соревнования и поединки у нас проводились и раньше, но их было намного меньше теории, и вот теперь, когда все изменится, нас хотят напугать.

Ну уж нет. Больше чем уверена, что каждый мой, по сути, соперник уже заказал или, если доходы не позволяли шиковать, приобрел дополнительный гардероб для практических занятий, показывающий всем окружающим статус учащегося.

И пусть академия провозглашала на своей территории равенство, каждый из нас знал, где чье место.

Пока мы обменивались взглядами, ректор, наблюдая за нами, посмеивался.

– Раз все такие смелые и решительные, предлагаю любому добровольцу выйти и опуститься в пустоту. Именно там начинается создание миров и вселенных. Ну, кто смелый?

Мы все затаили дыхание, не решаясь поднять руку. Столько времени хотели заняться чем-то серьезным, а не зубрежкой, и теперь можно…

– Если ни у кого нет энтузиазма, пойдет Элаи. На данный момент она самая сильная, вот и покажет вам пример.

Я не сразу поняла, что сказал Фаранар, пока Каси не толкнул меня в бок. Оставив перчатки на столе, я, еле переставляя негнущиеся от волнения ноги, двинулась вперед. В наступившей гнетущей тишине шелк моего платья по ступеням кафедры шуршал неестественно громко.

– Ну же… Пустота не кусается. Может помотать, испытать, но ничего серьезного.

Услышав такое, я непроизвольно сделала шаг назад. В ответ Фаранар, хмыкнув, взял меня за руку и подвел к колодцу, который, повинуясь его воле, вырос прямо рядом с кафедрой.

Я же удивленно взглянула на преподавателя. Вроде пожилой мужчина, но в руках чувствовалась недюжинная сила, а в движениях – легкость и стремительность.

Впрочем, порой создателя одолевала старческая ломота в костях, и он начинал хромать, словно не выдерживая тяжкой ноши.

– А теперь послушай меня внимательно, Элаи. Кладешь руки на колодец и расслабляешься, потом выпускаешь силу, но по чуть-чуть, пока не получишь ответного отклика. Понятно?

– Э-э-э… – посмотрела я в живые, наполненные силой и внутренней волей глаза ректора.

– Без «э-э-э». Давай, нужно пробовать, а я, если что, подстрахую.

Последние слова вселили в меня уверенность, и я, отбросив лишние сомнения, шагнула вперед, положив руки куда было сказано. Прикрыв глаза и попробовав расслабиться, я начала понемногу отпускать силу – вроде все шло по плану.

Вокруг меня словно закружился незримый магический «ветерок» – такой родной, живой, все ускоряясь и расширяясь во все стороны. Пульсируя.

И пришел отклик, как и предупредил Фаранар. Сначала что-то дрогнуло внутри меня, опасаясь неизвестного. А затем будто из ниоткуда возникшая черная субстанция двинулась навстречу, и мне захотелось сбежать, не соприкасаться с ней.

– Элаи! – донесся крик ректора, и моя сила вырвалась из-под контроля, закружив меня в вихре магии вперемешку с пустотой.

Я оказалась беспомощна, потерялась в этом магическом хаосе и ничего не могла сделать, когда со стороны что-то теплое коснулось меня. Обволакивая, защищая, предоставляя возможность опереться на что-то надежное и несокрушимое.

Еще не понимая, что это, не видя своего спасения, я потянулась к живительному ручейку стабильности, и моя магия объединилась с чужой… нет, не так… с удивительно доброй и родной.

Наши силы сплетались, тянулись друг к другу, сливались и вместе помогли мне и пустоте понять друг друга. И едва это случилось, я забыла обо всех глупых страхах, об опасениях и сама потянулась к черной субстанции – пусть пока заискивающе, но уже уверенно и почти без страха, чтобы наладить первый контакт как с более старшим, мудрым будущим другом.

Вынырнула я довольно быстро и, отлепив руки от колодца, ошарашенно заозиралась по сторонам, не в состоянии понять, где я и что со мной. А потом взгляд наткнулся на Фаранара.

Он стоял рядом со мной, почти вплотную. Его серые глаза внимательно и с легким опасением следили за выражением моего лица. А я вспомнила, что произошло, сопоставила факты и покраснела.

Помогая мне, он соединил свою силу с моей. Это очень интимный процесс, да мы словно голые прижимались друг к другу. Нет, еще более интимно.

Прикрыв глаза, я глубоко вздохнула и искоса посмотрела на ректора, нечаянно представив его без одежды. Пусть все еще статный, высокий, но пожилой. Бр-р-р…

Глава академии стоически выдержал мой взгляд, хотя, держу пари, ему было не по себе, и с тяжелым вздохом признался:

– Знаете, Элаи, последние три года будут для меня настоящим испытанием. Ваша сила еще очень строптива, и сейчас… вы чудом поладили с пустотой.

– Да, мне очень повезло, – еще сильнее покраснела я, но тем не менее постаралась сохранить невозмутимое выражение лица, усилием воли не отводя взгляда.

– Рекомендовал бы вам съездить на выходные домой. Это всегда благотворно сказывается на вашей силе.

Я едва сдержалась, чтобы не поморщиться, и, лишь молча кивнув, направилась к своему месту. А между тем общение с пустотой продолжилось у других студентов.

* * *

Каждые десять дней нам давали три выходных, которые мы были вольны провести, как хотим. Обычно я оставалась в академии или отдыхала с друзьями в столице, куда нас в мгновение ока переносил портал.

Однако после пятого курса друзей не осталось, кроме Каси, свою половинку я пока не нашла, а значит, отправиться на три дня к семье не такая уж потеря времени.

Выйдя из портала во дворе замка, я поздоровалась со слугами и направилась в свою комнату. Ужин только через пару часов, так что у меня еще было время привести себя в порядок и настроиться на встречу с родственниками.

Однако моим планам не суждено было сбыться. Едва я приняла душ и надела вечернее платье, как в дверь постучали.

– Войдите, – пригласила я, думая, что это служанка, но вошла жена отца – Аделаида.

– Добрый вечер, я хотела бы поговорить с тобой.

Я встала, проявляя вежливость и уважение.

– Конечно. Вам удобно здесь или, может, выйдем на террасу?

– Пожалуй, лучше терраса. Сейчас прекрасная погода и нет смысла сидеть в четырех стенах.

Кивнув, я направилась за хозяйкой дома на одно из моих любимых мест в родовом замке. С террасы открывался вид на море, которое не имело границ и падало в пустоту, из нее же и возрождаясь.

Присев на диванчик, я настороженно посмотрела на Аделаиду.

Моя мачеха – довольно высокая стройная женщина с невероятно прямой осанкой. Красивые гордые черты лица, чувственные, чуть полноватые губы с немного скорбно опущенными уголками. Собранные в высокий хвост гладкие темные волосы открывали умный лоб и изящную линию шеи и плеч, красоту которых демонстрировало и открытое, облегающее до бедер, шелковое платье бордового цвета.

Ее карие глаза сейчас сверкали от волнения почище сложных украшений, созданных сильной магией. И этот факт дал понять: меня ждет неприятный разговор.

– Я спрошу тебя о личном. Ты не моя дочь, и мне не совсем комфортно говорить с тобой об этом, но я должна выполнить свой долг.

– А может, не стоит?..

Но мачеха лишь качнула головой, присаживаясь рядом.

– Ты знаешь, что мы с твоим отцом знали друг друга задолго до свадьбы. И… я, как и он, предполагала, что мы можем быть половинками друг друга.

Услышав об этом, я не удержалась и вскочила, хватая ртом воздух.

– Немыслимо. Уверена, батюшка не поступил бы опрометчиво, если бы предполагал…

– В молодости он был бунтарем с очень непростым характером. – Слова Аделаиде, как и мне, давались непросто. – И изменился он после твоего рождения. Ты очень, очень похожа на него в молодости, и, глядя на тебя, мне неприятно вспоминать то время.

Представив отца, каким я его знала, мне было сложно найти схожесть между нами, сложно вообразить его другим.

– Может быть, со стороны… – осторожно начала я.

– Вот о чем я и говорила, – устало прикрыв глаза, сообщила мачеха. – Упрямая, недоверчивая и бескомпромиссная натура. Только тебя смягчает пол и положение. Он же был наследником рода. Я не была в восторге от твоего существования, но долгие годы достойно выполняла свой долг. Тебе не в чем меня упрекнуть.

Может, и не в чем, только все это время мне не хватало любви. Впрочем, в моем положении нужно радоваться малому. Опустив глаза и сжав кулаки на коленях, я все же искренне произнесла:

– Благодарю вас.

– Теперь я должна выполнить свою последнюю обязанность и выдать тебя замуж.

Услышав это, я едва не застонала. Такую деликатную тему можно доверить самому близкому человеку – матери, а вместо этого направлять меня будет Аделаида. Что ж так везет-то?!

Понимая, что и для мачехи это небольшая радость, более того, скорее тяжкое бремя, я смогла выдавить:

– Это очень великодушно с вашей стороны.

Я слишком отчетливо понимала: она и я – потомки великих родов, а кровь – это не водица, особенно у создателей. Нужно блюсти честь и достоинство как подобает. Иначе мы потеряем себя.

Будто собираясь с мыслями, Аделаида пару раз провела ладонью правой руки по левой, разгладив морщинки на перчатке в тон платья и с отделкой из черного кружева.

А затем продолжила неприятный разговор:

– У девяноста процентов создателей есть половинки, которые рождаются примерно в одну и ту же вечность. А значит, найти того, с кем ты будешь счастлив, кто идеально тебе подходит, может практически каждый.

– А что же оставшиеся десять процентов?

– Это создатели, которые потеряли себя. Половинка – это награда, и нужно быть ее достойным. Наши создания часто об этом забывают и из-за этого бывают несчастливы.

А мне вспомнились слова: «Создаем по своему подобию».

– Скоро ты окончишь академию, – заявила Аделаида.

– Это не факт, – вырвалось у меня.

Но мачеха лишь отмахнулась.

– Я училась в академии, хотя и была очень слабой по дару и не стала дальше работать. Способности использую только создавая что-то в мирах мужа. Поверь, я хорошо представляю, как много ты можешь. Да и Джерар внимательно следит за твоими успехами. Нет, если все пойдет как надо, ты станешь достойным представителем рода Элаи.

Отец интересуется моей учебой? Впервые слышу такое…

– Но что из этого вытекает… Будет много претендентов на твою руку, многие будут искать в тебе половинку. А ты знаешь, предназначенных бывает несколько. И с кем из них первым столкнешься, на том тебя и замкнет – начнется этап соединения, слияния. Если, конечно, ты не откажешься от своего партнера и не попытаешь счастья дальше.

Мой отец уже как-то думал отказаться, и все мы знали, чем это закончилось. Поэтому я спросила со здоровым скепсисом:

– Вы полагаете, многие предложат мне войти в род как супруге?

– Сейчас уже да. Есть кандидаты?

Встретив пристальный взгляд Аделаиды, я пожала плечами:

– В академии нет создателя, который был бы мне дорог.

– Надеюсь, он не заставит себя долго ждать. Наследнику рода Элаи повезло рано встретить свое счастье. – И кивком жена отца кивнула в дальний конец террасы.

Там мой сводный брат читал своей невесте книгу, оба были спокойны и безмятежны. Раньше я думала, что своей абсолютной выдержкой он обязан отцу, но в свете новой информации о молодых годах батюшки получается, что наследник, скорее всего, пошел в мать.

– Они просто созданы друг для друга, – подтвердила я.

Две амебы всегда найдут общий язык.

– Поэтому знай, если вдруг у тебя появится… потребность, связанная с выбором половинки, ты можешь спросить совета.

– Благодарю вас, – склонила я голову.

Мачеха, грациозно встав, неторопливо направилась вдоль террасы, а я смотрела ей вслед.

Долгое время я жалела и считала несправедливостью, что половинкой отца была не мать. Но сейчас я никому не пожелала бы судьбы Аделаиды.

Ее супруг когда-то не захотел проходить процесс слияния и наделал глупостей. Пусть по молодости, пусть это не измена, но все-таки очень болезненно. Создатели – ужасные собственники и ревнивцы.

К тому же появился ребенок, который не может не ранить, напоминая об этом случае. А она еще должна выполнять материнский долг по отношению ко мне.

Моя же мама была в отношениях с не предназначенным для нее мужчиной. И я, как создатель, понимаю, что вряд ли нашла с ним счастье.

Переведя взгляд на заходящее солнце, я решила, что пора отправляться на ужин.

Глава 4. Жалел меня очень

Когда мы любим, мы теряем зрение.

Лопе де Вега

Выходные с семьей заставляли меня больше нервничать, нежели успокаивали. Я и мачеха избегали общения друг с другом, отец, нахмурившись, периодически поглядывал на меня.

А младший брат, только недавно завершивший процесс соединения со своей половинкой, пребывал еще в брачной эйфории – он и его невеста сильно напоминали идиотов.

Единственные, кто вел себя нормально, были братья и сестры. Всего у отца девять детей, а чем больше у создателя отпрысков, тем он выглядит старше – такова уж наша природа.

В общем, выходные прошли в тревожной обстановке, и, вернувшись в академию, я в некотором роде вздохнула с облегчением.

Академия в последнее время стала мне больше домом, чем тот, где я выросла, и мысль, которая приходила все чаще и чаще, что скоро мне придется покинуть ее, наполняла меня невыразимой печалью.

– О чем задумалась? – послышался голос друга, который вышел из соседнего портала.

Как всегда, одетый с иголочки и сверкающий белозубой улыбкой. Несмотря на его невысокое положение, многие создательницы хотели бы найти в нем свою пару. Но его сердце ни на чье не откликнулось.

В руках Каси держал сумку с гостинцами из дома и довольно увесистый саквояж с необычным рисунком.

– Да о своей дальнейшей жизни. А ты, я смотрю, каждый раз от своих приносишь все больше и больше. Признайся, ты обжора?

Каси поудобнее перехватил сумку и весомо заметил, нагнав меня за пару шагов:

– Конечно. Здоровый мужской организм должен хорошо питаться. Не хочешь поделиться планами?

– Ну, буду крутым создателем, куплю дом где-нибудь в глухомани, обязательно обнесу его высоким забором, понавешаю боевых и охранных заклинаний и, конечно, выкопаю ров. В одном мире есть такие животные – крокодилы, обязательно их туда запущу.

Шар покосился на меня с опаской.

– Выходные с родными прошли успешно?

– Очень, – с чувством сказала я.

– Есть о чем беспокоиться?

– Не-ет. Вот мне-то уж точно не стоит. Кроме моего строптивого дара, у меня все тишь да гладь. А у тебя какие новости?

– Родители хотят, чтобы я все делал правильно и как надо, а также хорошо питался.

Переведя взгляд на саквояж, я хмыкнула:

– Тебе точно все удается.

Тут Шара окликнула незнакомая мне создательница, и он отвлекся, а я, занеся сумку в комнату, отправилась в библиотеку. За все годы учебы я не могла не

оценить этого прекрасного места.

– Добрый день, госпожа Траса, – поприветствовала я библиотекаря. – Можно мне посмотреть книги по магии созидания?

Средних лет женщина, сидевшая за столом, что-то скрупулезно писала, совершенно не обращая на меня внимания.

– Да.

– А по теории разрушения?

– Да.

– А по практике плетения?

– Да.

– А заглянуть в запретную секцию?

– Нет.

Вот в этом вся госпожа Траса: немногословная, с хорошей памятью и занятая. И никто не знает, из какого она рода. Ну, может, только если ректор. Еще ни разу за все семь лет обучения мне не удалось поймать ее на невнимательности. И не только мне.

Лавируя между стеллажами, я раздумывала, какую тему для практического проекта мне взять. Сейчас у нас остались уже только профильные предметы и практика по ним, тем интереснее взять для дальнейшего исследования в этом году неизбитую тему.

Может, создание черных дыр? Или создание галактик для развитых цивилизаций? Но это будет непросто. У меня с заготовками всегда проблема, оживлять все намного проще. Но в конце прошлого года ректор намекал…

Моя рука потянулась за первой книжкой. Нужно было составить план работы и отдать на утверждение. Думаю, Фаранар будет доволен выбором: в конце концов, нужно браться и достигать чего-то именно в тех областях, которые тебе не даются.

– Вот только не пожалею ли я о собственном выборе? – произнесла я вслух.

Пожалела уже через два часа, а через четыре и вовсе прокляла свою смелость. Когда же собиралась домой, то желтеньких плотных листов магического пергамента было исписано аж восемь штук. Теперь это можно показать ректору и, если что, почеркать на нем, внося исправления. Но это завтра, сегодня поздновато.

Я встала, разминая затекшее тело, и подошла к окну. За стенами академии опять царил небольшой хаос: сегодня стихии в особенно плохом настроении. Они кружились вокруг замка, стекла в рамах легонечко дрожали, и казалось, сейчас буйство непогоды вырвет целую скалу и унесет в далекие дали.

Жутковатое зрелище, но странно увлекающее своей непредсказуемостью, мощью происходящего снаружи.

Собрав свои принадлежности и положив книги на место, я отправилась к себе, по дороге попрощавшись:

– До свидания, госпожа Траса.

– Чао!

Недоуменно оглянувшись на занимающуюся своими делами женщину, я прикрыла дверь библиотеки, размышляя, что может означать это странное слово. Прощание на чужом языке или… что-нибудь похуже? Посыл, например…

Мне не доводилось видеть госпожу библиотекаря в гневе, но старшекурсники поговаривают, что нет силы страшнее, чем ее неудовольствие.

Мои мысли прервало столкновение. Мужчина в плаще, пробегая мимо, сбил меня с ног, я упала на пол и больно ударилась головой. Мой недавно скрупулезно

составленный план разлетелся в стороны, а один лист чуть не спикировал на лестницу, застыв на самом краю.

– Смотри, куда идешь! – возмутилась я, с трудом сев прямо на каменном полу и потирая затылок.

Лечебная магия скользнула с пальцев, и прохлада овеяла место ушиба.

Академия в это время была уже пустынной, все разбрелись по комнатам, и только я, ругаясь сквозь зубы, собирала свой разлетевшийся план.

Где-то на улице особенно сильно ударил гром, и гулкое эхо разнеслось по всему замку. Зябко поежившись, я осмотрелась и заспешила к себе в комнату. Зря я засиделась в библиотеке.

* * *

– Какой ужасный ураган бушевал всю ночь, это что-то невероятное. Давно подобного не было. Ужас!

– Да-а-а… Говорят, в горе вроде появилась трещина.

– Ну ладно тебе сочинять-то, эти скалы появились тут чуть ли не с начала реальности.

Такие разговоры слышались отовсюду, куда ни посмотри, и только плетельщики улыбались как-то немного грустно и загадочно. Творцы судеб всего живого, они даже на создателей имели некоторое влияние и вплетали в ковер времени мерное течение наших жизней.

Однако сегодня все было очень странным: преподавателя по укреплению созданных миров забрали прямо с лекции, и оставшееся время мы

практиковались самостоятельно.

Впрочем, может, для меня это было и к лучшему. Я постоянно перебарщивала с укреплением или, наоборот, недоделывала. Чувствую, и в этот раз что-то было не так.

Неожиданно по этажам раздался сигнал, собирающий студентов в общем зале, который находился вне времени и пространства. Надеюсь, никого не вытащат из постели?

При таком сборе должна присутствовать вся академия, не важно, день у тебя или ночь.

Общий зал – это огромное помещение, где в центре стоит кафедра для объявлений. Он использовался очень редко, только для особых случаев, и, видимо, случилось что-то серьезное.

А если гора и правда треснула?

Долго ждать ответов взбудораженным и обеспокоенным студентам не пришлось: через несколько минут ректор взошел на возвышение и, встав за кафедру, откашлялся.

Впервые его голос звучал мрачно и жестко, как у воина перед трудным сражением, каковым он по сути сейчас и выглядел. Суровый мужчина с безупречной выправкой, в привычно темных тонах строгого покроя сюртуке, черный цвет которого сегодня как-то особенно контрастировал с седыми волосами, собранными в хвостик на макушке.

– Не могу пожелать всем доброго дня, ибо это не так. Вчера в академии была зверски убита студентка, поэтому с сегодняшнего дня я призываю вас к осторожности. Несмотря на жестокое умерщвление жертвы, мы пока не готовы утверждать, что это было ритуальное убийство, но все может быть.

Я, ошеломленная ужасными новостями, не могла прийти в себя. Как же так? Неужели такое могло случиться?

– Да какая разница, ритуальное убийство или нет? – раздался тихий вопрос Шара рядом.

Я знала разницу: друг отца работал в службе контроля.

– Потому что если это ритуал, то будут еще жертвы.

Встретившись взглядом с другом, я поняла, что тот тоже очень обеспокоен.

А ректор между тем добавил со значением:

– Также я попросил бы вас сегодня побеседовать с представителями службы контроля и рассказать, что вы делали в определенное время.

Понятно, раз никто кроме студентов и преподавателей в академию не может пройти без персонального разрешения, значит, убийца здесь, среди нас, и теперь они перетрясут всех, чтобы узнать, кто именно.

Объявление было закончено, и студенты, перешептываясь, начали разбредаться. Мы с Шаром тоже вышли из зала и, не сговариваясь, направились в сторону выхода из академии. Хотелось спуститься в парк, тем более сегодня такой хороший день, и посидеть на свежем воздухе, чтобы избавиться от ужасного осадка после услышанного.

Скоро должен быть обед, но мне не хотелось есть.

– Теперь они не успокоятся, пока не найдут того создателя, который это сделал, – напряженно сообщил друг. А потом совсем уж мрачно добавил: – На что угодно пойдут.

– Это хорошо, что найдут. Но почему ты уверен, что они прибегнут к любым методам? – спросила я, располагаясь рядом с ним на травке.

Подобрав подол темно-синего, почти черного платья под себя, я подставила лицо солнышку.

Шар помолчал, а затем тихо сказал:

– Считается, что создатель, способный на такое, подлежит уничтожению. Ведь создатель – это творец, мы должны создавать, в основании нашей природы должно лежать чистое начало, чтобы затем переходить в наши творения.

– Но это только теория, – нахмурилась я, посмотрев на друга.

– Так принято считать, но… Несколько веков назад жил один создатель, он был сильным, талантливым. Тогда в академию принимали только детей влиятельных семей, поэтому ему прочили прекрасное будущее, пока однажды он не померился силой с выходцем из простой семьи.

Я помнила, что не читала такого по истории.

– И проиграл. Многие тогда этому поразились, и власти приступили к разработке закона, по которому в академии могли обучаться все, кто на это был способен. Сильный создатель сопротивлялся этим изменениям как мог, но в этот момент всплыл еще один факт.

Я застыла, предчувствуя, что самое интересное еще впереди.

– Его миры были отравлены сущностью того, кто их породил. По силе не знающие границ, они, словно вязкая зараза, порабощали и уничтожали другие миры. Решено было выяснить, почему так происходит. И пока одни смиряли нашего создателя и уничтожали его детища, чтобы они не уничтожили все вокруг, другие отправились к плетельщикам, и те впервые за несколько тысяч лет сделали исключение, позволили увидеть прошлое создателя – он был убийцей.

Резко втянув в себя воздух, я осознала, что до этого слушала затаив дыхание.

– Когда он понял, что за преступления его уничтожат, то бежал с помощью своего друга. Талантливый создатель из древнего и великого рода должен был скрываться.

– И что же дальше?

– Его миры были уничтожены, а на этом месте в мир вновь прорвалась бездна. Потом было несколько битв с нею. А создатель… Говорят, он в последний раз вложил свой талант и создал что-то поистине ужасное, а потом умер.

– Что же? – Я едва не подпрыгивала от нетерпения.

– Никто не знает. С тех пор существует закон, что все создатели, боги, плетельщики и даже контролеры, совершившие умышленное убийство, должны быть уничтожены, так как несут в себе зло и разрушение. Примерно тогда же приняли закон, снимающий ограничения на учебу.

Я видела, что Шар не согласен с такой жесткой позицией истребления убийц, но в моем сердце эта идея нашла понимание и поддержку, поэтому я лишь спросила:

– Почему этого нет в истории?

– Есть, но в архивах, которые не подлежат разглашению. Вернее, это не рекомендовано рассказывать. Я узнал случайно: подслушал как-то разговор отца с другом. В правящем Совете не хотят, чтобы мы знали об этом.

– А почему ты мне тогда рассказал? – чуть улыбнулась я, лукаво посмотрев на него.

Друг тяжело вздохнул:

– Для нас настают непростые времена, и я хочу, чтобы ты знала, из-за чего они настают.

Прав был Шар или нет, но одно я знала точно – убийца должен понести наказание, чего бы это мне или кому другому ни стоило.

* * *

В последующие пару дней действительно пришлось непросто. Контролеры все скрупулезно выпытывали у каждого студента: кто такой, где был, какие отзывы

преподавателей и характеристики.

Убита была создательница с шестого курса. Я редко ее видела в коридорах – наши расписания почти не пересекались, но мысль о том, что кто-то мог совершить подобное убийство… возмущала и угнетала.

Проверяли нас досконально, но я была не против. Мне нечего было скрывать, и я рассказала все как есть: что в момент совершения преступления находилась в библиотеке… Когда контролеры уже уехали, я вспомнила один момент, которому сначала не придала значения. А может, стоило?

Я ходила взад-вперед по комнате, раздумывая над дилеммой, и все же отправилась к ректору. После нашей последней встречи на лекции и… слияния сил мне было неудобно смотреть ему в глаза, тем более если мой рассказ покажется ему ерундой.

А если нет?

Секретаря на месте не оказалось, поэтому, нерешительно помявшись, я постучала.

– Войдите, – послышался приглушенный ответ.

Медленно отворив дверь и шагнув в кабинет, я увидела сидящих за столом декана факультета контролеров Диана Графта и устало трущего переносицу ректора. Однако при виде меня Фаранар резко выпрямился. Мне стало его жаль. Видимо, управлять академией и так непросто, а тут еще это…

– Элаи? Вы что-то хотели?

Я, не зная, как лучше сказать, кивнула и, не решаясь войти, замялась в дверях.

– Понимаете, я осознала одну вещь… – наконец-то озвучила я причину моего визита. – Когда контролеры спрашивали меня, то я не подумала, что это может быть важно…

– Погодите, – поднялся ректор из-за стола. – Давайте вы сядете и подробно нам расскажете обо всем.

В несколько быстрых шагов он оказался рядом. Обхватив меня за плечи, прикрытые тонким кружевом, он подвел к креслу, видимо, не замечая, как алеют мои щеки, а по телу пробежали мурашки.

Да что же это со мной?

Надеюсь, я не сказала этого вслух, потому как Фаранар резко отдернул от меня руки и, присев в кресло, хмуро посмотрел на свой стол.

– Что случилось? – словно очнулся он после непродолжительного молчания.

– Мне кажется, я видела убийцу! – выпалила я, пытаясь скрыть неловкость из-за своей странной реакции.

Вот после этого мужчины просто впились в меня глазами, словно я самое дорогое, что у них есть.

– Где? – выдохнул Графт, подаваясь ко мне всем телом и оставшись сидеть лишь на самом краешке кресла.

– Недалеко от библиотеки. Я как раз выходила оттуда, когда мужчина в плаще с опущенным капюшоном пробежал мимо, сбив меня с ног. Я ведь знаю, что в академии нельзя закрывать лица. А еще от него фонило магией.

– Почему вы не рассказали об этом контролерам? – нахмурился Фаранар.

– Я рассказала о том, что около библиотеки столкнулась со студентом, но этому не придали значения. А я просто чувствую, что в этом есть что-то странное.

– Наверное, это именно тот узел, о котором говорили плетельщики. Ты же знаешь, у каждого убийства есть точки раскрытия, – произнес Графт.

– Но мы не знаем точно, – тихо и устало вздохнул глава академии.

А я, посмотрев на его лицо, увидела, что ректор долго не питался от источника силы. Преподавателям академии дана такая привилегия – подпитываться силой миров. Благодаря этому силы самих создателей не кончаются, несмотря на множество практических уроков и отсутствие сна.

Почему он не подзарядится? И почему мне хочется отправить его отдыхать, напоив божественным восстанавливающим отваром?

Я явно не в себе последнее время. Испытывать странные порывы в отношении человека, внешне и внутренне значительно старше тебя, – это непозволительно.

– Можно мне идти? – в волнении сжала я руки.

Мужчины удивленно на меня покосились, и ректор кивнул.

Резко поднявшись, я направилась к двери, мысленно ища оправдания своему странному, необъяснимому поведению. Скорее всего, это убийство так повлияло, однозначно оно. Потрясло меня в моральном плане, и теперь не могу отойти. Из-за этого и ненормальные мысли и желания. Надо вечером отвлечься и попрактиковаться в создании заготовок. Тем более что настало время набирать команду.

Осторожно прикрыв за собой дверь, я заспешила, придерживая длинное платье, а каблучки гулко стучали в тишине коридора.

Вечер в академии – волшебное время, а иногда еще и романтичное. Создатели, которым повезло найти свои половинки на старших курсах, порой собирались в большом зале на скамеечках, ибо именно это место облюбовал один гений – Ария Лок.

В нем не было большой силы, он не был создателем, а всего лишь богом, но невероятно талантливым в сфере искусств. Такие, как он, кто создает прекрасное в мирах и наделяет талантами достойнейших наших созданий, – большая редкость. Но была у богов искусств и еще одна особенность – они могли смотреть в души всему живому. И благословен тот, на кого обратят они внимание.

Именно поэтому многие приходили в большой зал, желая, чтобы Лок заметил их, признал особенными, подарил благословение их союзу.

Вот и сегодня он пел песню, которая заставила меня замереть у края балкона и посмотреть вниз.

Море световых шариков кружилось в воздухе, создавая романтическую атмосферу, а звучный, наполненный необычной силой голос пел.

У нас говорят, что, мол, любит, и очень,

Мол, балует, холит, ревнует, лелеет…

А, помню, старуха соседка короче,

Как встарь в деревнях, говорила: жалеет.

И часто, платок затянувши потуже

И вечером в кухне усевшись погреться,

Она вспоминала сапожника-мужа,

Как век он не мог на нее насмотреться.

– Поедет он смолоду, помнится, в город,

Глядишь – уж летит, да с каким полушалком!

А спросишь чего, мол, управился скоро?

Не скажет… Но знаю: меня ему жалко…

Зимой мой хозяин тачает, бывало,

А я уже лягу, я спать мастерица.

Он встанет, поправит на мне одеяло,

Да так, что не скрипнет под ним половица.

И сядет к огню в уголке своем тесном,

Не стукнет колодка, не звякнет гвоздочек…

Дай бог ему отдыха в царстве небесном! —

И тихо вздыхала: – Жалел меня очень.

В ту пору все это смешным мне казалось,

Казалось, любовь, чем сильнее, тем злее,

Трагедии, бури… Какая там жалость!

Но юность ушла. Что нам ссориться с нею?

Недавно, больная бессонницей зябкой,

Я встретила взгляд твой – тревога в нем стыла.

И вспомнилась вдруг мне та старая бабка, —

Как верно она про любовь говорила!

Ирина Снегова

Меня настолько тронула эта песня, что некоторое время я стояла, не двигаясь, и не сразу поняла, что смотрю в глаза Локу и сердце болит от того, что будит во мне этот взгляд.

Бог лишь улыбнулся и подмигнул мне, начав напевать медленную песню с певучим началом. Многие тихонечко, неуверенно принялись подпевать.

Прикоснувшись к щеке, я почувствовала на ней влагу. Я даже не заметила, когда сбежала слеза. Может, есть и еще что-то, чего я в своей жизни не замечаю?

* * *

Ниркор Фаранар

Лишь ночник волшебным шариком света, застывшего над столом, да блики от огня в камине освещали комнату, создавая в ней загадочную и таинственную

атмосферу.

– Что ты думаешь в связи с новыми сведениями? Доверяешь им? – спросил Диан Графт.

Сразу видна его сущность контролера – стоит на страже закона и правды, даже не работая в системе правосудия.

– Я уже на протяжении семи лет наблюдаю за талантливыми студентами, и Элаи не создала у меня впечатления натуры, которая враньем хочет привлечь к себе внимание. К тому же показания госпожи Трасы обеспечивают ей алиби. Я думаю, то, что она сообщила, имеет место быть… – поделился выводами я.

– И?

– И ничего. С ее слов, мы имеем только то, что наш убийца – мужчина, а таких, у кого нет алиби, со всех курсов более ста человек.

– Я не об этом спросил.

– Знаю, но не могу ответить на вопрос, который мучит всех. Пока нет никаких фактов, указывающих на то, что это ритуальное убийство. Однако я все свои награды готов поставить, что оно не последнее.

– Все бездны ада! – выругался Графт.

– Именно так. К сожалению, нам придется довериться расследованию контролеров и ждать. И давай уже сменим тему, я больше не могу думать о том, что произошло: картина растерзанного тела в подвале до сих пор стоит перед глазами.

– Хорошо, поговорим о другом. Расскажи мне тогда, почему ты так странно реагируешь на студентку Элаи? Она волнует тебя?

– Скорее я выделяю ее среди студентов, – не стал отпираться я. – У нее есть свои секреты и странности, связанные с семьей. Мне очень часто бывает ее жаль, она словно пытается спастись, выбраться.

– Пробиться, – вклинился Графт и поймал мой уничтожающий взгляд.

– Бесчувственность у тебя в крови.

– Почему сразу обвинения? Разве я сказал неправду? Пойми меня правильно, я прекрасно отношусь к студентке Элаи, но нужно смотреть на вещи реально. В связи с ее положением оказаться на вершине рейтинга ей гораздо важнее, нежели многим здесь. И может, именно поэтому ты и благоволишь ей, я бы сказал, покровительствуешь временами.

– Может быть и так, – пробормотал я, глядя на огонь.

В груди шевельнулось тянущее неясное чувство. Не иначе это убийство и старость меня когда-нибудь доконают.

Глава 5. Происшествие

Давайте жить так, чтобы даже гробовщик оплакивал нашу кончину.

Марк Твен

Рассказав ректору про то, что видела, я посчитала свой долг выполненным, и скоро другие проблемы вытеснили произошедшее. Но невольно поймала себя на том, что на лекциях я постоянно рассматриваю ректора.

Все вызывало в нем восхищение: его уверенность, взгляды, манера себя вести и подать. Даже движения. И одно меня радовало несказанно – он не нравился мне внешне.

Я не думала, что Фаранар мне понравился как будущий избранник, это смешно. В его возрасте чьей-то половинкой не стать, а выходить замуж по расчету я не планировала. Однако то, что на протяжении семи лет он мне пусть немного, но помогал и поддерживал, видимо, сыграло со мной злую шутку.

Похоже, в ректоре я видела тот идеал отца, наставника, о котором всегда мечтала и каким хотела видеть своего родителя. Наблюдая за Фаранаром, я понимала, что пристрастна и восхищаюсь им, скорее всего, многое преувеличивая. И тем не менее ничего не могла с собой поделать.

Я постоянно себя одергивала, но, увы, все повторялось изо дня в день. Лишь бы глава академии не заметил, а то я точно после этого не смогу ему показаться на глаза.

Также изо дня в день я видела постоянную озабоченность Фаранара: не иначе расследование не давало желаемых результатов, во взгляде ректора стыла тревога. И я была готова поспорить, что его деятельность в академии – это не единственное дело, которым он занимается.

А однажды вечером получила этому подтверждение.

В академии не было личных ванных комнат, вместо них были купальни, в которые мы ходили согласно удобному для каждого графику. Для меня же купальня была не просто местом омовения: именно здесь я могла расслабиться и обдумать насущные планы или проблемы.

Вот и этим вечером я отправилась туда, в последний момент заняв свободное время. С завтрашнего дня у меня начинался отбор в мою первую команду, и мне было нужно хорошо подумать.

Я разложила в купальне полотенца, которых набрала с собой несколько штук. Был у меня такой пунктик. Можно, конечно, использовать заклинание, но потом несколько часов невозможно привести себя в нормальный вид. Эффект – словно в ураган попал. Окажись мы в каком-нибудь мире, там все проще, но не в нашей реальности.

В купальне медленными полупрозрачными кольцами раскручивался пар, заполняя помещение, на мраморных стенах поблескивали капельки влаги, под потолком зависли магические шарики, мягко освещая пространство. Красота!

Раздевшись донага, я оставила вещи на лавке, а сама почти со стоном удовольствия ступила в воду, на ходу закрепляя волосы на макушке.

Думая о бытовых и банальных вещах, я расслабилась в теплой неге, нагнав вокруг себя побольше пены и откинувшись головой на бортик небольшого бассейна, решив обдумать сложившую ситуацию.

Но мысль даже развиться не успела, как мой покой был нарушен: в воздухе раскрылся портал и из него вывалился мужчина.

Вскрикнув, я сжалась, спрятавшись за пеной, так что торчали одни глаза и макушка, заодно приготовив боевое заклинание. Но от шока у меня челюсть отпала, когда в бассейне в полный рост встал… ректор!

Вода лилась с Фаранара ручьем, а на голове еще и покоился комок пены. Одежда была разорвана, подпалена, а на щеке имелась рана, из которой вытекла капелька крови.

Рефлекторно я сжалась, невольно проследив за падением, а ректор, стремительно осмотревшись, на миг дольше, чем должно, задержав свой взгляд на мне, нецензурно выругался и буквально проглотил окончание ругательств, уставившись мне в глаза.

– Прошу меня простить, досадное недоразумение, – сообщил в следующее мгновение глава академии, вытирая воду с лица и отряхивая ладонь.

– Ни… ничего страшного, – с трудом смогла вымолвить я, машинально подгребая к себе пену.

Фаранар в это время развернулся и, выйдя из бассейна, высушил на себе одежду. С волосами он рисковать не стал и прихватил одно из моих полотенец.

– Я верну.

– Да не стоит, – пропищала и, не узнав своего голоса, откашлялась.

Развернувшись к стене, ректор попробовал открыть портал, но вместо перехода раздался хлопок, и я готова была поспорить, что он снова выругался. Кажется, что-то было сказано о мерах защиты женских купален.

Наконец маневр отступления удался: портал в стене был построен. Мимоходом покосившись на меня, Фаранар распрощался и был таков.

А я еще долгое время не могла отойти от этого происшествия и периодически ни с того ни с сего начинала подгребать к себе пену.

Видимо, и об этом мне стоит молчать.

* * *

Наутро настроение было нервное, и на лекции по теории разрушения я была невыспавшаяся и очень рассеянная. Вместо того чтобы сосредоточиться на деле, которое так и не смогла обдумать накануне, я гадала, куда же исчезал ректор и почему вернулся в столь потрепанном состоянии?

Была ли его отлучка связана с убийством, или это другая сфера деятельности?

– Элаи?

Вскинув глаза, я увидела стоящего рядом с моим столом Русира, который, подняв бровь, смотрел на меня с любопытством.

– Да?

– Вы слушали, о чем я сейчас рассказывал? – четко выговаривая вопрос, будто спрашивал у ребенка, поинтересовался декан деструкторов.

– Я… конечно…

– Это прекрасно. Тогда, может, вы попробуете выполнить первое задание?

– Может, не стоит? – промямлила я. – У меня такие переменные успехи в создании достаточно крепких заготовок…

– Ничего страшного. Практика творит чудеса.

Вымученно улыбнувшись, я направилась к кругу в центре аудитории, который в целях безопасности был огорожен защитным экраном.

Проскользнув в небольшую брешь в круге, я в нерешительности замерла, дожидаясь стандартно запущенной модели разрушения, после чего должна была начать создание заготовки и довести ее до конца. Защитить от ликвидации, или деструкции, как это называли сами разрушители миров. Тогда мое творение будет иметь шанс на существование, поскольку прошло проверку на прочность.

Но вместо модели в круг вошел сам преподаватель.

– Э? – только и смогла вымолвить я, вскинув на него полный удивления взгляд.

– Что такое? – забеспокоился Русир. – Вы ведь слышали меня и знаете, что сегодня ваши заготовки буду испытывать я.

– Ну, это, да… – пролепетала я, чувствуя, как отчаянно краснею от своего вранья.

– Вот и прекрасно, – широко улыбнулся деструктор. – Начинайте.

Настороженно покосившись на преподавателя, я, прикрыв глаза, начала создавать планету. Слои ложились один на другой, шар вертелся в моих руках, и вот на поверхности появились континенты, моря, в воздухе запахло свежестью.

Не прошло и десяти минут, как планета зависла в воздухе, радуя глаз своей гармоничностью. Я очень любила красивые миры и старалась создавать именно такие.

Теперь предстояло самое сложное – окружить этот прекрасный шарик плетением защиты, чтобы нехороший деструктор до него не добрался. Закрепив первые петельки из силы, я начала плетение.

Ажурный узор сиял золотым, оплетая планету, а я, чуть ли не высунув язык от усердия, создавала защиту. В этот раз данный процесс давался на удивление легко, и цвет плетения был немного другим. Может, показалось?

– Элаи, вы трясетесь над заготовкой так, как мать над единственным дитя. Давайте шустрее. У меня вон еще целая группа, которую надо успеть потерроризировать.

– А мне нужно сделать так, чтобы вы не разрушили мою заготовку.

Русир иронично приподнял бровь, явно сомневаясь в моих силах не то что против него, даже против остальных студентов.

– Ну, тогда мешать творческому процессу создания шедевра просто грех, – хмыкнул преподаватель.

А я невозмутимо доплела защиту, прекрасно понимая, что не пройдет и нескольких минут, как мою планету разрушат. Это всегда очень болезненно, словно убивается часть меня. И тем больше я понимала необходимость научиться защищать свои создания от окружающего их мира.

– Ну что? Мне уже можно приниматься за дело? – насмешливо поинтересовался Русир.

Я, насупившись, лишь кивнула, приготовившись к неминуемой боли.

Не торопясь, декан подошел к моему висящему шарику, я же в это время вышла за пределы экрана, чуть ли не со слезами наблюдая за действиями деструктора, словно это меня будут разбирать по кускам.

Вот Русир призвал силу, и черные частицы напали на мой мир, стараясь разбить его на миллионы осколков. Плетение засветилось в ответ на агрессивные действия, но я знала: защита долго не продержится. Антидеструкция – мое слабое место.

Однако то, что произошло дальше, повергло меня в шок: узор начал светиться сильнее. Волнение внутри меня усилилось, я прижалась носом к экрану и чуть ли не подпрыгивала на месте от паники.

А защита среагировала в этот раз на редкость агрессивно: свечение увеличилось, и Русира шмякнуло об энергетическую стенку. Тот даже руки

распластал, когда его приложило.

В аудитории повисла тишина, и, когда преподаватель рухнул вниз спустя мучительное мгновение полного ошеломления, звук получился поистине пугающий. А деструктор перевернулся, встал на четвереньки, мотнул головой, видимо, возвращая ясность мыслям, и лишь потом, держась за экран, поднялся полностью.

Сфокусировав на группе взгляд, декан сказал:

– Все свободны, кроме Элаи.

Тут я полностью осознала: мне пришел конец. Даже те, кто в группе сильно меня недолюбливал и презирал, сейчас смотрели с жалостью – видимо, никому не чужд гуманизм.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/kosuhina_natal-ya/akademiya-sozdateley-ili-shury-mury-v-zhanre-fentezi

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити